

Михаил Алексеев

ВОСКРЕСНОЕ УТРО

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Михаил Алексеев

Воскресное утро

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Алексеев М. Е.

Воскресное утро / М. Е. Алексеев — «АСТ», 2017 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-105612-4

Жаркий июнь 1941 года. Над Советским Союзом нависла угроза полного уничтожения, немецкие танки и самолеты уже получили боекомплект и прогревают моторы. Впереди тяжкие испытания — смерть и кровь миллионов людей, героизм одних и трусость других, беззаветная преданность и предательство. Великая Отечественная война! И где-то в российской глубинке появились те, кто сломает «Барбароссу» и отменит план «Ост». Они — те, кто вырос на подвигах своих отцов и дедов. Те — кто с детства мечтал быть достойными своих предков. Те — кто дал Присягу на верность своему народу и стране. Они готовы стать плечом к плечу с поколением Великой Победы и своей грудью закрыть Родину! На их красных знаменах написано «За нашу Советскую Родину!», и они знают, что это знамена Победы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-105612-4

© Алексеев М. Е., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	49
-----------------------------------	----

Михаил Алексеев

Воскресное утро

© Михаил Алексеев, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Все персонажи являются вымышленными, любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

15 июня 1941 года, 5.50 утра. Район Вязьмы, борт флагманского ПС-84 начальника ВВС Красной Армии

Жигареву Павлу Федоровичу снился сон из далекого детства. Будто он снова обычный мальчишка из бедной деревеньки Бриково, Весьегонского уезда Тверской области. Такой же босоногий пацан, как и сверстники – друзья по бедняцкой доле. Его с товарищами отправили пасти небольшое стадо деревенской общины в кустарник, на берегу маленькой безымянной речушки. Скорее, даже просто ручья. Таких ручьев великое множество в лесах центральной России. Задача перед мальчишками обычная – не выпустить скотину за пределы арендованного у управляющего местного помещика оговоренного участка и не допустить потраву барских покосов. Платить за потраву сельчанам нечем – значит, придется отрабатывать долг трудом. Ну, а с мальчишек родители спросят розгами.

Видит Пашка, будто вожак стада – коза соседки Малаши, воспользовалась тем, что мальчишки отвлеклись, и уже выходит на покос. Он пытается бежать, но ноги не слушаются. Вместо бега получается только с трудом и невероятным усилием раздвигать воздух, ставший вдруг плотным и вязким. С ужасом понимает, что не успевает перехватить строптивую скотину, и еще сильнее цепенеет. А мальчишки кричат ему: «Павел Федорович! Павел Федорович!» И Пашка, удивляясь необычному обращению, с трудом и облегчением выныривает из плена детских страхов.

Павел Федорович Жигарев, 1900 года рождения, бывший крестьянский сын, а ныне, с апреля 1941 года – начальник ВВС Красной Армии, приходит в себя. Менее двух недель назад он получил третью звездочку генерал-лейтенанта в голубые петлицы мундира, и сразу стало не хватать времени на сон.

В воздухе пахло грозой. С западных Особых округов почти каждый день приходили сообщения о пролетах немецких самолетов, удачных и неудачных перехватах нашими истребителями. Головная боль от того и другого была примерно одинаковая. В условиях директив Генерального Штаба и руководства страны не провоцировать немцев, «удачный перехват» мог привести к ноте Германского правительства, наказанию летчика и его командиров. Неудачный – показывал дыру в нашей системе ПВО, позволяя немцам спокойно выполнять поставленную задачу. О целях этих полетов не догадывался разве только пресловутый герой русских народных сказок – Иванушка-дурачок.

Жигарев работал без выходных, перерывов на обед и практически сна. Сегодня было воскресенье, и он летел в Минск, в штаб начальника ВВС Западного Особого военного округа, генерал-майора И. И. Копца. Пользуясь этим, во время полета пытался хотя бы частично восполнить недостаток сна.

– Павел Федорович! – его за плечо легонько тряс второй пилот флагманского ПС-84¹ Штаба ВВС. Жигарев вопросительно посмотрел на него, одновременно пытаясь распрямить затекшие руки и ноги.

– Павел Федорович, пройдите в кабину, вам нужно на это посмотреть! – сказал пилот, увидев, что начальник проснулся. Поднявшись, Жигарев прошел в кабину. За эти менее чем два месяца экипаж уже не раз летал по маршруту Москва – Минск, и он не мог понять, что так встревожило командира корабля.

– Где мы? – спросил Павел Федорович, войдя в кабину.

– Район Вязьмы. Посмотрите, товарищ генерал-лейтенант, – ответил пилот и накренил самолет влево, чтобы ему удобнее было смотреть через голову.

Жигарев посмотрел влево по курсу. Попробовал проморгаться. Но то, что увидел, не исчезло. Внизу, слева по курсу, с высоты полутора тысяч метров в условиях видимости «миллион на миллион», лежал большой аэродром. Может быть, не больше, чем аэродром тяжелых бомбардировщиков в Монино, но вполне сопоставимый по размерам. И БЕТОННЫЙ! Павел Федорович знал, что именно здесь, с этой весны, силами НКВД ведется строительство бетонной ВПП для будущего аэродрома. Срок сдачи объекта – осень 1941 года. Однако там речь шла о нескольких сотнях метров узкой бетонки. Когда он летел две недели назад по этому же маршруту – ясно видел, что работа ведется, но раньше намеченных сроков строители вряд ли уложатся.

Теперь же совершенно ясно он видел перед собой широкую и длинную, примерно двухкилометровую, ВПП, ориентированную, как и планировалось, по направлению юг – север, с развитой системой рулежных дорожек и огромной стоянкой.

Стоянка – это было второе, что поразило сталинского сокола. На стоянке в три длинных ряда стояли странные серебристые самолеты. Навскидку – более сотни. Еще более странные силуэты Жигарев увидел на рулежной дорожке, идущей вдоль ВПП и в квадратах зелени между ними.

На рулежке стояли двенадцать аппаратов, напоминающих наконечники стрел серо-голубого цвета. А вот на квадратах зелени... стояли два МОНСТРА. Один – четырехмоторный, с нормальным, прямым расположением крыла – был еще сравним с ТБ-3², хотя имел совершенно другие пропорции. Зато другой, на взгляд Павла Федоровича, как минимум вдвое превосходил размеры ТБ-3. Тоже четырехмоторный, но двухкилевой. Он видел и еще какие-то аппараты, с очень короткими, похожими на обрубки крыльями, либо без них. Из всего, что видели глаза и пытался уяснить мозг, он выделил всего лишь три силуэта, хотя бы похожих на то, что мог бы назвать самолетом. Молчание в кабине затянулось. Командир корабля продолжал выполнять пологий левый вираж, держа вид аэродрома слева.

– Садимся! – разорвал тишину приказ Жигарева.

Связи с аэродромом, естественно, не было, поэтому командир корабля решил заходить на посадку с севера. С юга располагался большой лесной массив, поэтому с севера садиться на незнакомый аэродром было проще, оставляя в качестве ориентира Вязьму справа, а также наблюдая железную дорогу перпендикулярно глиссаде. Направление ветра было неизвестно, однако длина полосы позволяла его не учитывать. На посадочном курсе Жигарев справа увидел железнодорожную станцию, забитую эшелонами с погруженной боевой техникой. Рассматривать времени не было, однако снова отметил, что ничего похожего на то, что ему приходилось видеть в РККА, там не было.

¹ ПС-84. В соответствии с договором с фирмой Douglas от 1936 года американцы передавали советским специалистам пакет документации и лицензию на производство многоцелевого самолёта DC-3. В соответствии с приказом № 02 от 10 января 1937 года, этот лайнер под обозначением ПС-84 начали выпускать серийно.

² Туполев ТБ-3 (также известный как Ант-6) – советский тяжёлый бомбардировщик, стоявший на вооружении [ВВС СССР](#) в 1930-е годы и во время Великой Отечественной войны.

Еще ближе к аэродрому, тоже справа, располагался большой склад ГСМ. Жигарев это понял по блестящим огромным цистернам.

Экипаж перетянул немного начало ВПП, и самолет покатился по бетонке. Теперь можно было сказать, что ширина полосы была почти вдвое шире размаха крыльев ПС-84, то есть примерно пятьдесят метров. Сама полоса имела два «горба» в начале с каждой стороны и как бы низину между ними. ВПП было ухоженное и, самое интересное – судя по следам торможений колес в момент касания – интенсивно использовалась.

Кем? Когда? Количество вопросов росло с каждой минутой, а ни одного варианта ответов пока не просматривалось. Самолет катился к южному концу полосы, и все в кабине неотрывно смотрели вправо, вглядываясь в то, что пытались разглядеть с высоты полутора тысяч метров. Из всего увиденного примерно со стометрового расстояния пока обнадеживало только одно – на хвостовых оперениях «монстров» алели звезды. Но откуда такие самолеты?

Ничего подобного в ВВС СССР и конструкторских бюро, с которыми он как начальник ВВС работал, не было. Оставалась слабая надежда, что это какие-то спецпроекты НКВД, однако эта надежда не успокаивала, а только вызывала беспокойство – не любит Лаврентий Павлович слишком любопытных. Но тогда где же люди? Где охрана? Он распорядился развернуть самолет, и ПС-84, ревя моторами, покатился по полосе обратно. Метров за триста до северного конца полосы, слева, стоял стационарный КП, перед ним располагалась широкая основная рулежка к стоянке. Выкатившись на рулежку к КП, Жигарев приказал остановиться. Выйдя из самолета и закулив, осмотрелся. В воздухе пахло летом и неуловимым ароматом гудрона. После того как остановились моторы самолета, его прямо-таки оглушила тишина летнего утра, оттеняемая дуновением июньского ветерка и пением жаворонков. Справа от него стоял безлюдный КП. Левее, в небольшой березовой рощице, проглядывало два одноэтажных здания. Еще левее, между этим зданием и стоянкой, высился большой ангар из красного кирпича. Прямо по рулежке – метров через сто пятьдесят – начиналась стоянка тех серебристых острокрылых самолетов, которые он видел из кабины ПС-84. Передняя часть с кабиной и крыльями были закрыты чехлами, но сразу бросались в глаза отличия от самолетов, знакомых Жигареву – шасси с передним колесом и высокорасположенный стабилизатор на стреловидном киле. На хвостовом оперении алели звезды. На некоторых машинах, не укрытых брезентом, на фюзеляже выделялась надпись красными буквами «ДОСААФ³». Это все было странно видеть, но самое удивительное было то, что у них отсутствовал винт. Хотя Жигарев мог бы поклясться, что, несмотря на все странности, он видит перед собой именно самолет, а не что-то иное.

Хлопнула дверь и из одного из зданий между ангаром и КП вышли два человека в темной форме. Не торопясь двинулись к самолету. Докуривая папиросу, Жигарев внимательно смотрел на них. К нему шли два явно пожилых человека, одетых в одинаковую черную вохровскую форму. Первый – как определил Жигарев по кобуре на ремне – был старшим, второй шел позади и был вооружен трехлинейкой. Эти двое как бы выпадали из всего, что тут уже увидел Павел Федорович. То есть они были единственным, что было тут естественным.

– Здравствуйте! – произнес старший, подойдя к нему. Второй остановился поодаль, хотя и не поменял положение оружия. Жигарев поздоровался в ответ.

– Прошу вас не курить. Не положено, – добавил вохровец и с интересом стал разглядывать Жигарева. Самолет не привлек его внимания совершенно. Он и его спутник выглядели возрастом никак не моложе пятидесяти лет и явно не строевики.

³ Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ) – добровольное самоуправляемое общественно-государственное объединение, цель которого – содействие укреплению обороноспособности страны и национальной безопасности... До 1991 года существовало как ДОСААФ СССР (Всесоюзное ордена Ленина, ордена Красного Знамени добровольное общество содействия армии, авиации и флоту) (встречалось также название Всесоюзное ордена Ленина Краснознаменное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту), в дальнейшем распалось на региональные общества.

– У вас что-то случилось с самолетом? Я доложил дежурному по Центру о вашей посадке, и он скоро приедет сюда.

– Вы не представились, – оборвал его Жигарев.

– Извините. Начальник караула военизированной охраны Центра Иван Демьянович Сафронов. А вы кто будете?

– Начальник ВВС Красной Армии генерал-лейтенант Жигарев, – в свою очередь представился он. В глазах начкара мелькнуло удивление, и он еще раз внимательно оглядел Жигарева. Видно, фраза вызвала непонимание, хотя он и не проявил отрицательных чувств к Жигареву.

В этот момент послышался звук мотора. Из-за зданий выехала машина защитного цвета с тентованным верхом. Остановилась рядом, захлопали двери и из нее не торопясь выбрались двое. Один был одет в своеобразную свободно сидящую на нем темную форму, со множеством карманов с блестящими кнопками. На правом рукаве красная повязка с надписью «Дежурный». Но все это Жигарев отметил буквально мельком, потому что все внимание было приковано ко второму. Вторым был человек в военной форме незнакомого образца, фуражке и в ПОГОНАХ!

Первым дернулся порученец Жигарева, схватился за кобуру и судорожно задергал некстати застрявший пистолет. Начальник караула и караульный явно не ожидали подобной реакции. Однако тоже довольно неуклюже попытались привести свое оружие в состояние готовности.

Жигарев побледнел. В голове проносились беспорядочные мысли: «Как ОН сюда попал? Кто предал? Что делать? Стрелять? Странно, но похоже, эти люди удивились этой ситуации не меньше его».

– Что вы делаете? – раздался спокойный голос человека в погонах.

– Кто вы? – в свою очередь задал вопрос Жигарев.

– Я – начальник штаба Вяземского Учебно-авиационного центра ДОСААФ подполковник Рябцев. Попрошу вас представиться.

Стоящий рядом с ним человек с повязкой непонимающе крутил головой, переводя взгляд с Жигарева на его порученца, оружие в руках людей и никак не мог вникнуть в ситуацию. Точнее, не мог понять причины, вызвавшей такую реакцию человека в форме, стоявшего за спиной явно старшего.

Жигарев представился и сразу добавил:

– Мне неизвестен такой центр и такая организация.

Теперь явное удивление появилось в глазах подполковника Рябцева. Он еще раз уточнил должность, звание и фамилию Жигарева. Повисла пауза.

Сзади к Жигареву и порученцу подошли с пистолетами в руках боргтехник и второй пилот. В свою очередь, от караулки спешили трое с винтовками наперевес. Ситуация приближалась к логическому завершению.

– Я слышал о человеке с такой фамилией, – произнес представившийся подполковником, – точнее – читал в истории Великой Отечественной, да и в училище на лекциях по истории ВВС слышал. Но он жил во время войны. Вы однофамильцы?

– Какой войны? Что значит жил?

– Нашей войны. Великой Отечественной. Той, о которой у нас знает каждый ребенок. Но она закончилась более тридцати лет назад.

– Ничего не понимаю. Какая война? Вы о Первой мировой говорите? Так и тридцати лет с ее окончания не прошло.

– Нет. Я говорю о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Тридцатилетие Победы в которой мы отпраздновали несколько лет назад.

– Не понимаю, о чем вы говорите. Сейчас 1941 год. Какие тридцать лет?

– Кто-то из нас бредит. Жаль только, что у «кого-то» в руках боевое оружие. Сейчас 18 июня 1979 года, и вы находитесь на аэродроме Вяземского учебно-авиационного Центра ДОСААФ. Оглянитесь вокруг – тут что-то похоже на 1941 год? Кроме, может быть, вас.

Жигарев задумался. Действительно, именно он и его люди смотрелись инородно, если считать верным утверждение подполковника в обычности ситуации для него. Он достал из внутреннего кармана удостоверение и протянул подполковнику. Тот взял в руки и стал внимательно читать, поглядывая на Жигарева. Сложил, в глубокой задумчивости сдвинув фуражку на затылок. Потом вернул удостоверение и полез во внутренний карман кителя. И вот уже Жигарев с удивлением вчитывался в черные строчки удостоверения подполковника ВВС СССР Рябцева Л. И., начальника штаба ВУАЦ ДОСААФ. Выданного в июне 1956 (!) года тогда еще лейтенанту.

– Почему на вас погоны? – с подозрением спросил он у подполковника.

– Так с 1943 года носим. По приказу Сталина, – опередил с ответом начальник караула. Рябцев утвердительно кивнул.

Теперь уже Жигарев сдвинул фуражку на затылок.

– Уберите оружие, – обратился он к своим людям.

Встречающий караул опустил стволы «мосинок» без команды. Люди они были пожилые и такие страсти им явно не нравились.

– Трофимыч! – обратился начкараула к одному из прибежавших по тревоге из караулки. – Принеси вчерашнюю газету.

Трофимыч закинул винтарь на плечо и похромал к караульному домику. Остальные молча пытались решить вопрос с определением времени и что с этим делать.

Через минут семь Трофимыч вручил Жигареву газету «Сельская жизнь» за 16 июня 1979 года. Пятница. В ней рассказывалось об успехах СССР на международной арене и на полях сельского хозяйства.

Жигарев вытер выступивший пот на лбу и потерянно посмотрел вокруг.

– Мы вылетели из Москвы на рассвете 15 июня 1941 года. Я летел в Минск в Штаб ВВС Западного Особого округа, – растерянно произнес он.

– Через неделю началась война, – тяжело, но уверенно произнес Рябцев.

– Немцы все-таки напали?

– Да. В четыре утра 22 июня. Эта война стоила нам двадцать миллионов жизней, – ответил Рябцев.

– Они там... а я... тут! – В голове Жигарева не укладывалось, что он практически стал дезертиром.

– Ладно. Чего тут в поле стоять? Начальник караула! Продолжайте службу. Дежурный! Подскажи экипажу, как и чем закрепить самолет. А мы, товарищ генерал-лейтенант, поедem в штаб. Если опасаетесь, пусть с нами едет ваш порученец. Да, еще! Дежурный, пришлю машину вторым рейсом, отвези остальных в столовую, распорядись насчет завтрака. И скажи, пусть принесут что-нибудь поесть мне в кабинет. На всех.

Сил возражать у Жигарева уже не было. Он был просто раздавлен ситуацией и знанием, что там – в его времени – через неделю советские летчики будут сражаться за Родину. А он не то что предупредить об этом не сможет, вообще будет числиться дезертиром. Подполковник распахнул правую дверцу автомобиля, Жигарев автоматически сел на сиденье. Начштаба и порученец сели сзади.

Через пять минут езды по бетонке подъехали к штабу Центра. По дороге Жигарев ничего особенного не увидел – достаточно густой смешанный лес по сторонам, примерно посредине маршрута, справа, высилась высокая и мощная водонапорная башня, там же, но слева у дороги, находился явно склад, обнесенный колючей проволокой.

Сам штаб представлял собой двухэтажное здание, слева от него, казарма из белого кирпича, перед ними плац. Справа двухэтажная казарма из красного кирпича. Войдя в штаб, Жигарев на первом этаже увидел часть фюзеляжа с кабиной тех серебристых машин, увиденных им на стоянке аэродрома. Но сейчас он практически не обратил на это внимания. Так, информация к сведению. Они стали подниматься по лестнице, когда их снизу окликнула женщина средних лет. Точнее, обратилась по имени-отчеству к подполковнику и сказала, что пропало напряжение в электросети, соответственно не работает АТС и остались только прямые оперативные телефоны Центра, запитанные от аккумуляторной батареи. И самое главное – пропал прямой канал на Москву. Попытка наладить связь через соседнюю АТС железнодорожников также не удалась – с ними тоже нет связи. И в этот момент Жигарев понял, что еще его мучает, и что он, просто раздавленный свершившимся, забыл узнать.

– Мы победили – когда?

18 июня 1979 года, 6.30. Городок авиацентра

Примерно полседьмого утра в городке произошло два, на первый взгляд, незначительных события. Независимо друг от друга, из своих квартир позевывая и встряхиваясь от недавнего воскресного сна, вышли инженер АТС подразделения связи Центра Василий Рачков и главный энергетик Центра Александр Сувор. Хотя выражение «независимо» весьма относительно, когда это касается зависимости состояния связи от наличия энергии. Обоих их подняли дневальные суточных нарядов, отправленные дежурным по Центру. Пропало электропитание, а значит, и АТС перешла в аварийный режим. Каждый из них направился туда, где можно было выяснить причину этих неприятностей.

Василий Рачков пришел на АТС, удостоверился в отсутствии электроэнергии и, вздохнув, приступил к запуску аварийного генератора, размещенного в соседнем помещении с АТС. После подачи питания проверил наличие каналов связи. АТС работала исправно. Все линии связи телефонной сети Центра работали. Не было каналов на железнодорожную станцию и в город. И самым важным был именно прямой канал в город, через который Центр по паролю имел связь с Москвой. Нельзя сказать, что этот канал использовался часто – все же Центр не был боевой частью, однако порядок требовал его наличия в исправном состоянии. Еще раз вздохнув, Василий полез в свою заначку, где у него на «черный день» была припрятана бутылка «Пшеничной». Причина воздыханий для Василия была ясна как божий день. Дело в том, что линия связи в город проходила через АТС завода, расположенного на окраине города между улицами Новая Бозня и Московская, и по странному обстоятельству на этой АТС замыкалась перемычкой. И вот этой перемычкой изредка пользовался техник этой заводской АТС, когда ему очень хотелось, но не на что было выпить. Он, ни грамма не сомневаясь в «своем праве», вынимал эту самую злосчастную перемычку и с нетерпением ожидал прихода своего соседа «по связи», который обязан был сделать обход линии. Процедура и цена «восстановления связи» была неоднократно отработана и установлена – это была как минимум бутылка вина – как правило, для начала, либо бутылка водки. В общем, обычно «обход линии» в таком случае затягивался до вечера, и Василий после обхода попадал не на работу, а сразу домой.

Вздыхал Василий потому, что имел определенные планы на этот выходной день, и эти самые планы прямо с утра рушились. С такими невеселыми мыслями Василий шагал по линии, для успокоения совести иногда поглядывая на провода. Дойдя до полотна железной дороги, он внимательно осмотрел спуск и переход воздушной линии в кабельный канал под железной дорогой. Это было самое слабое место линии – при неисправности кабеля его ремонт, точнее замена, сулила массу проблем с согласованиями и проколом полотна. Но в данном случае все выглядело вполне исправно. Проблемы начались, когда Василий пересек рельсы. Он не нашел опоры, на которую должна была подняться линия связи и превратиться из кабельной снова в воздушную. Ни выхода кабеля, ни опоры просто не существовало. Она не была сломана или сбита – ее попросту не было. И что вообще странно – он не видел улицы Новая Бозня. Слегка

обалдевший от такого изменения местности Василий все же двинулся по направлению к заводу со злополучной АТС Степаныча. Пройдя полкилометра, он не обнаружил ни завода, ни улицы Московской. Он вообще ничего не увидел, так как на месте предполагаемого завода и улицы шумел вполне зрелый лес. Василий присел на бугорок и задумался. Он твердо помнил, что с вечера не пил. Хотя вот сейчас такое желание у него проявилось. Правда, он не был уверен, что это поможет в решении его проблемы с действительностью. И еще останавливало его то, что нужно доложить и как-то объяснить ситуацию дежурному по Центру. И вот тут признаки употребления снадобья, решающего множество русских проблем, могли только отягчить положение Василия.

Так и не придя ни к какому выводу, Василий направился на станцию Вязьма-Брянская, теша себя слабой надеждой на избавление от галлюцинаций и возможностью установления связи через их АТС.

Через двадцать минут он, общаясь с ошалевшей дежурной по станции, пришел к выводу, что эта самая галлюцинация является не только его, а коллективной. Дежурная под утро потеряла связь с соседними станциями. И произошло это, когда на ее станции скопились для пропуска встречного пассажирского поезда с Брянска девять воинских эшелонов, идущих с Октябрьской железной дороги. Все боковые пути, на которые она могла принять составы, за исключением первого и второго главных, были заполнены составами с техникой и людьми. А встречного пассажирского все не было. Как не было и связи. И никто не мог ей объяснить – что происходит. Она отправила двух человек на однопутные перегоны до ближайших промежуточных станций, чтобы проверить свободность пути и выяснить причину отсутствия связи. Но пока сведений от них не поступило. Зато вернулся человек, посланный ею до станции Вязьма. И вернулся явно не в себе. Нес какую-то чушь про город, который он не узнал, про паровозы на станции и так далее. Все это выводило ее из себя. А еще ее бесило знание того, что воинские эшелоны имеют в своих составах плацкартные вагоны, в которых находится не одна сотня солдат, не понимающих объявлений типа «за двадцать минут до станции туалеты закрываются». Да и объявлять в этих вагонах за неимением проводников было некому. А значит, через некоторое время вся станция будет вонять, как заброшенный общественный туалет. И когда эшелоны уйдут – убирать все это придется ей же вместе с остальными работниками станции. В общем, Василий прямо с утра узнал много нового о себе и связи в том числе. Тут ему на ум пришли поговорки командира его части в бытность его солдатом: «Связь дело случайное. Она может быть – а может и не быть», и «Самая устойчивая связь – половая». Которой в данной ситуации не имелось. Вздыхнув, он отправился в штаб Центра.

Примерно в это же время главный энергетик завершил объезд всех электроподстанций, которые обеспечивали энергоснабжение аэродрома и жилого городка. Подстанции запитывались с разных линий и имели резервирование – все же Центр не совсем гражданская организация, и устойчивость его энергоснабжения была не пустым звуком. Однако сегодня все подстанции были обесточены по причине отсутствия напряжения на высоковольтных вводах. Посему Александр Сувор тоже отправился в штаб, так как решение этой проблемы выходило за рамки его возможностей. На часах было половина восьмого утра.

В эти минуты, от дома номер 3 улицы Авиационной, отъезжал «жигуленок» веселого ярко-желтого цвета майора Петра Курочкина. Ему с утра понадобилось съездить на рынок в город. Проезжая мимо автобусной остановки, он удивился большому для выходного дня количеству людей, ожидающих автобус. Знакомых среди них не было, а что касается возможности отсутствия рейсового автобуса, то такое хоть и редко – все же случалось. Автобусный парк города не мог похвастаться наличием новых машин. Как правило, в их город присылали автобусы, уже выработавшие свой ресурс в больших городах. Но это мало заботило товарища майора. Как говорится – жизнь через стекло персонального автомобиля выглядит несколько иначе, нежели глазами пешехода, идущего по лужам в осенний день. В этом плане у инженера было все

нормально. «Копейка» – была достаточно престижным автомобилем в эти годы и, хотя уступала «Волгам» комэсков, но была лучше 40-х «Москвичей» летчиков. В целом все шло нормально у Петра Курочкина. Служба после среднего авиационно-технического училища протекала вполне успешно. Сначала Щecin в ПНР, потом серьезная и длительная командировка в Ирак. Далее немного послужил в Грузии, и вот напоследок посчастливилось попасть в этакый санаторий – Центр ДОСААФ.

Руководство Центра, включая командиров эскадрилий и курсантов, носило погоны. Многие, как и Петр, попали сюда после заграничных командировок. Некоторые имели боевой опыт. А вот технический состав и летчики-инструктора были гражданскими. Это не уменьшало их профессионализма, но делало распорядок работы Центра гражданским с твердо установленным рабочим временем. В общем – в наличии была двухкомнатная квартира, машина и спокойная служба. Что еще нужно для человека, чтобы достойно встретить пенсию? Примерно с такими философскими мыслями майор притапливал газ на бетонке, идущей в город. Спокойные мысли покинули его голову сразу после того, как он проехал «точку» – базу Смоленского авиаполка ПВО, чьим запасным аэродромом числился аэродром «Двоевка». Пропали вместе с дорогой. Майор еле успел сбросить скорость, прежде чем его машина поскакала по внезапно появившемуся вместо бетонки лугу. Ничего не понимая и автоматически лавируя между кочками, промоинами и кустами на лугу, Петр Курочкин проскочил полкилометра вниз по склону и выскочил на улицу Алексеевская. Так, по крайней мере, он привык это место называть. Сейчас же он видел просто какую-то незнакомую деревню с крышами из соломы. Но направление улицы совпадало с привычным, и «жигуленок» проскочил улицу, пока Петр пытался что-либо сообразить. А вот регулируемого переезда он не увидел. Переезд оказался левее, и отсутствовала будка дежурного. Глаза воспринимали информацию, а мозг не справлялся с ее обработкой. Машина двигалась не там, где обычно, но в том же направлении. Поражало все своей непохожестью – и пригород, и улица Панино, и наличие регулируемого и еще, что странно – рабочего, переезда через железнодорожные пути на окраине Вязьмы. Зато отсутствовал автомобильный мост, построенный недавно для замены этого переезда. До ввода моста на переезде стояли иногда по пять часов в ожидании открытия шлагбаума.

В такой же прострации Петр въехал в город. И только увидев на улице встречную «полуторку», сообразил, что с момента выезда с Вязьма-Брянской ему не попалась навстречу ни одна автомашинa. А теперь, увидев то, что ехало ему навстречу, майор засомневался в объективности реальности и ущипнул себя. Боль была. Но «полуторка» тоже не исчезла. Водитель ее не отрываясь смотрел на «жигуленок», равно как и Петр смотрел на «полуторку». Так они и разъехались. Дальше майор Курочкин ехал чисто на автомате – по направлению к рынку. Но скоро понял, что уже не знает куда ехать. **ЭТО БЫЛ ДРУГОЙ ГОРОД!**

Свернув налево, он выкатился – как он полагал – на площадь Ефремова. По крайней мере, он думал, что это примерно тут должно находиться. Но памятника героически погибшему генерал-лейтенанту он не увидел. Зато в пределах видимости находились три церкви. От мысли, что это он сошел с ума и провалился куда-то в неизвестность, спасала башня крепости. Он помнил, что она, кажется, называлась Спасская и была единственной оставшейся с XVII века. Вот она присутствовала в видениях майора. Он вышел из машины и присел на стоявшую под деревьями скамейку. Проходящие люди с интересом смотрели на него и с недоумением на его машину. Он автоматически, краем сознания отмечал их странность в одежде – они одевались, как его родители на фотографиях их юности. Лежей его на скамейке лежала кем-то забытая газета «Рабочий путь». Это была знакомая областная газета. Вот только дата ее была просто несусальной – 13 июня 1941 года. Петр взял ее и стал просматривать. Странно, но статьи действительно соответствовали дате, как и все окружающее майора. Единственное, что не совпадало со временем – это был он и его автомобиль.

18 июня 1979 года, 7.30. Штаб Центра

Воскресное утро для начальника Центра полковника Владимира Васильевича Красавина началось с телефонного звонка в 7 утра. Звонил начальник штаба подполковник Рябцев и просил прийти на службу, так как по телефону, по его словам, он объяснить причину не мог. Полковник удивился налету некоей таинственности в интонациях подчиненного и после утренних процедур, надев повседневную форму, вышел из квартиры в прекрасное июньское воскресенье. Городок просыпался, хлопали двери подъездов, и женские фигурки еще в домашних халатиках спешили по направлению к мусорным бакам. Вместе с ними из домов выходили и уже одетые для сельхозработ «счастливые» владельцы дачных участков и живности, обитающей на них. Слышались утренние приветствия, и начальник кивал головой, здороваясь в ответ. Жизнь в Центре была похожа на жизнь в деревне или, точнее – в гарнизоне – все друг друга знали. Да и домов-то на улице Авиационной было всего лишь три штуки – один стоквартирный и два сорокавосемьквартирных. Четвертый стоквартирный еще был на стадии строительства и даже без крыши. А две других улицы Центра – Парковая и Лесная – лежали ближе к аэродрому за двумя рукотворными озерами, вырытыми на месте начинающегося оврага. Озера круглый год пользовались вниманием всего местного населения. Летом и зимой мальчишки не вылезали из воды и ледяных катков. Взрослые любили посидеть с удочками под шум растущих на берегу берез. Рыбалка была, прямо скажем – не очень, так, карасики, иногда щучка попадалась, но важен был сам процесс, а он присутствовал. Даже сам начальник не чурался иногда закинуть удочку и помедитировать на безмятежный поплавок.

Идти было недалеко, и через пять минут полковник открывал дверь кабинета начальника штаба. И только взглянув на сидящих в кабинете, он понял интонации Рябцева в телефонном разговоре. В его голове звякнул звоночек. Этот звоночек в голове полковника Красавина просыпался каждый раз, когда заканчивалась его спокойная жизнь. Или наоборот – спокойная жизнь заканчивалась по этому звонку. В общем, они – звоночек и проблемы – были взаимосвязаны.

В кабинете, кроме Рябцева, сидели двое, одетых так, как он видел только в фильмах про войну. В званиях на петлицах Красавин не разбирался, но разницу между звездами и шпалами на петлицах улавливал. И его многолетний служебный опыт также указывал на человека с тремя звездами в петлицах как на старшего.

– Здравствуйте! – произнес полковник, усаживаясь за столом, и внимательно посмотрел на начальника штаба. Рябцев понял немой вопрос и доложил ситуацию. После его слов «Начальник ВВС Красной Армии Павел Федорович Жигарев», старший достал из нагрудного кармана гимнастерки удостоверение и протянул его Красавину. Посмотрев его, Красавин снова услышал звонок. Причем тот, кто управлял этим звонком, добавил громкости.

Владимир Васильевич, как и всякий советский человек, любил и уважал литературу. Но сказать, что он был страстным почитателем ее раздела «фантастика» было нельзя. Он был человек реальный и реалистичный. В чудеса не верил, и сейчас в его голове роились мысли вокруг двух вопросов «Кто это?» и «Зачем это?». И вот как раз эти все мысли были одна фантастичней другой. Внешне лицо полковника оставалось бесстрастным – он умел управлять эмоциями, да и по характеру был флегматичен, поэтому окружающие не могли видеть его мысленных метаний.

Пауза, возникшая в кабинете, была прервана стуком в дверь.

– Разрешите! – в приоткрывшейся двери возникла голова дежурного по Центру.

– Да, войдите, – с облегчением произнес начальник Центра, отдавая удостоверение незнакомцу и пытаясь воспользоваться отсрочкой от необходимости отвечать на свои немые вопросы и задавать прямые вопросы незнакомцам – а других ситуация и не предполагала.

– Товарищ полковник! Прибыл главный энергетик и инженер АТС. Им нужно доложить лично вам.

– Хорошо! Пусть идут ко мне в кабинет, – ответил начальник Центра и, поднявшись, извинился перед присутствующими о необходимости выслушать подчиненных.

В своем кабинете он внимательно выслушал сначала главного энергетика, с неудовольствием отметив про себя, что звонить дежурному диспетчеру Вяземского района электрических сетей об отсутствии энергопитания, обязанность самого главного энергетика, и это можно было сделать без доклада начальнику Центра. Однако доклад инженера АТС привел его к мысли, что не все так просто. Со слабой надеждой он встал из-за стола и, обойдя его, подошел к Василию Рачкову вплотную.

– Чем закусывал? – спросил он у Василия, пригнувшись и не ощущая запаха спиртного.

– Я не пил! – обиделся Василий.

– Тогда куда подевалась Бозня и Московская?

– Не знаю, – обреченно развел тот руками.

В голове полковника Красавина уже звенел не звонок. Там гремел ревун на фоне походного марша. Внезапно открылась дверь, и в кабинет молча и без разрешения вошел бледный майор Курочкин со странно изумленными глазами и, подойдя к полковнику, сказал:

– Я был в городе. В Вязьме.

– И что? – удивляясь такому странному поведению майора, спросил Красавин.

– И вот, – ответил тот, протягивая ему газету. – Города нет. Точнее, это не та Вязьма, которую мы все знаем.

Начальник Центра смотрел на газету «Рабочий путь», выпущенную 13 июня 1941 года. В голове ударили литавры.

Красавин Владимир Васильевич был полковником. Он был настоящий полковник, поэтому вся рефлексия пронеслась в его голове, никак не отразившись внешне. Но не это было главной характеристикой полковника. Он умел принимать жизнь такой, какова она есть, и выполнять задачи теми силами и средствами, которые были у него в подчинении или под рукой. Этому его учили всю его жизнь его командиры и сама жизнь. Поэтому, идя в кабинет начальника штаба, он уже формулировал решение. Войдя в кабинет, он подошел к подполковнику Рябцеву, положил перед ним газету и упер свой палец в дату. Повисшую далее паузу он прервал уже прямым приказом:

– Леонид Иванович! Подними экипаж Ми-8 десантников. Вызови всех необходимых людей для обеспечения вылета вертолета через час. Дежурную машину оставляю тебе. Я... – он посмотрел на Жигарева, – мы с товарищем генерал-лейтенантом на машине майора Курочкина едем к командиру воздушно-десантной дивизии. Экипажу вертолета, если откажутся готовиться к вылету, скажешь, что их командир летит тоже.

18 июня 1979 года, около 8.30. Общежитие (она же гостиница) Центра

Командир 44-й Учебной воздушно-десантной дивизии гвардии генерал-майор Оганян Иосиф Бакратович находился в Вяземском учебно-авиационном Центре по служебной необходимости. Причем эта служебная необходимость была ему, мягко говоря, не по рангу. Кто-то там, в верхах, решил проверить боеготовность одного из подразделений его дивизии. В этом факте не было ничего удивительного – десантники на то и десантники, чтобы уметь быстро переместиться и решить поставленные задачи. Но тут завычка была в том, что по тревоге подняли 743-й отдельный учебный парашютно-десантный батальон, расквартированный в городе Кармелава. Батальон этот был не совсем обычный – он готовил к службе и состоял из прапорщиков ВДВ, и задачу перед ним поставили необычную для планов боевой подготовки на начало летнего учебного периода. Батальон должен был «исчезнуть» с зимних квартир, переместиться на незнакомый аэродром и с него уже десантироваться, вместе с ротой БМД-1⁴ на

⁴ БМД-1 (боевая машина десантная) – советская боевая гусеничная плавающая машина, предназначена для использования в воздушно-десантных войсках и десантирования парашютным или посадочным способом с военно-транспортного самолёта

полигон Московского военного округа под Гороховцом, где ему нужно было захватить укрепленный, подготовленный и занятый сейчас мотострелками.

Учения были и у военно-транспортной авиации, и выбор на аэродром «Двоевка» пал потому, что это для их экипажей был незнакомый аэродром. Но на него не могли садиться транспортные Ил-76. Поэтому выброску собирались делать с Ан-22 и Ан-12. Вот эти борты и подтягивали поближе к аэродрому посадки десанта. На самом аэродроме пока приземлились только один «Антей» и один Ан-12. Выброска десанта должна была произойти до этих выходов, но не срослось с погодой в районе полигона. Шли грозовые дожди с сильным ветром, и теперь вот генерал-майор вынужден был ютиться в небольшой комнатке щитового общежития с удобствами на улице. Правда, холодная вода в общежитии была. В общем, пришлось генералу вспомнить лейтенантскую молодость.

Он уже был одет и собирался прогуляться до столовой Центра, когда в его дверь постучали.

– Да! Войдите! – ответил он на стук.

– Здравия желаю, Иосиф Бакратович! – произнес входя начальник Центра полковник Красавин, с которым они уже выпили по рюмочке коньяка за знакомство, когда генерал прибыл на аэродром.

– Входите, товарищи! – обернувшись, сказал полковник кому-то в коридоре, и в комнату вошли два командира Красной Армии.

Последующие пять минут полковник Красавин не без тайного удовольствия наблюдал за эмоциями генерала, когда докладывал ситуацию и знакомил его со спутниками. Генерал, конечно, был стреляный... нет, не воробей, волк. Но все же южная кровь давала о себе знать темпераментом.

– Таким образом, я принял решение и взял на себя смелость задействовать ваш вертолет для облета города и окрестностей вместе со всеми здесь присутствующими для прояснения ситуации, – закончил полковник.

Через сорок минут со взлетно-посадочной полосы аэродрома «Двоевка» в небо поднялся вертолет Ми-8 и направился на северо-запад в сторону Вязьмы.

Командир воздушно-десантной дивизии и начальник Центра не отрываясь смотрели в иллюминаторы, а вот Жигарев, стоя у двери пилотской кабины, смотрел за работой пилотов и вообще рассматривал изнутри этот странный летательный аппарат, который, получается, уже потомки называли вертолетом. Командир экипажа, услышав первый вопрос от этого странно выглядящего, как он понял из того, как к нему обращались, генерала, вопросительно глянул на командира дивизии и, получив в ответ утвердительный кивок, уже охотно и подробно отвечал на вопросы. Облет снял все вопросы, витавшие в голове командира дивизии и полковника Красавина. Они летели над Вязьмой – признаками этого были и характерные изгибы одноименной реки в пределах города, и Свято-Троицкий собор на положенном ему месте, и упомянутая майором Курочкиным крепостная башня. А вот сам город мало совпадал с тем, который был известен Красавину. Не было стандартных пятиэтажек, не было памятника Ефремову, здания, даже каменные, выглядели старинными. На станции Вязьма царила эпоха паровозов, они не увидели ни одного тепловоза, не говоря уже об электровозах. Везде поднимались дымы – и на самой станции и всех подходящих к узлу железных дорогах.

типа [Ан-12](#) и [Ил-76](#). Принята на вооружение в [1969 году](#). [Ми-8](#) (В-8, изделие «80», по [кодификации НАТО: Нир](#)) – [советский/российский](#) многоцелевой [вертолёт](#), разработанный [ОКБ имени М. Л. Миля](#) в начале [1960-х годов](#). [Ил-76](#) (по [кодификации НАТО: Candid](#) – [англ. искренний, прямой](#)) [советский и российский](#) тяжёлый [военно-транспортный самолёт](#), разработанный [ОКБ Ильюшина](#). [Ан-22 «Антей»](#) («изделие 100», по [кодификации НАТО: Cock «Петух»](#)) [советский](#) тяжёлый [турбовинтовой транспортный самолёт](#). Первый советский [широкофюзеляжный самолёт](#), самый большой в мире турбовинтовой самолёт. Первый полёт выполнил в [1965 году](#). [Ан-12](#) (изделие «Т», по [кодификации НАТО: Cub – «Юнец»](#)) – [советский военно-транспортный самолёт](#). Разработан в [АНТК им. К. Антонова](#).

После нескольких реплик между собой генерал и полковник утвердились в понимании, что не Жигарев тут гость, а именно они. Каким образом это произошло – было непонятно, но это был уже свершившийся и осознанный ими факт. Теперь появились вопросы из серии «Что делать?» Помня о том, что сегодня не 18 июня 1979 года, а 15 июня 1941 года, и счет идет уже на часы, вышеназванный вопрос встал ребром.

Полковник Красавин приказал командиру экипажа лететь в район станции Вязьма-Брянская, сказав генералам, что там, по его мнению, есть нечто для них интересное. Сам полет занял минуты, а вот посадка у полотна железнодорожной станции Жигареву понравилась. Вертолет завис и плавно опустился буквально в метрах от полотна. Но еще над станцией все в вертолете заинтересованно осматривали стоящие на ней эшелоны. Генерал-десантник прямо аж потирать руки начал. Правда, на лице у него была не простая радость, а играла хищная улыбка. Высадившись из вертолета и дождавшись, когда утихнут двигатели, генерал проявил мощь настоящего генеральского голоса, и к ним моментально подбежал один из бойцов, стоявших у вагонов и глазевших на садящийся вертолет. Не дослушав представлявшегося солдата, генерал приказал найти любого офицера, но желательно старшего начальника среди этого, как он назвал, «бродячего цирка», и немедленно прибыть сюда с ним. Не прошло и пяти минут, как они увидели этого солдата, сопровождавшего по направлению к ним полковника.

– Командир 134-го Гвардейского мотострелкового Ленинградского полка полковник Гольцев! – представился тот Оганяну. Полковник был высок и крепок. Полевая форма на нем сидела как влитая. Генерал и полковник Красавин представились в свою очередь. Жигарева и его порученца пока не представляли.

Далее из разговора с командиром полка они уяснили, что 45-я Гвардейская мотострелковая Красносельская ордена Ленина Краснознаменная дивизия Ленинградского военного округа следует на крупные учения на полигон «Эмба» в Казахстане. Ночью эшелоны с частями дивизии были остановлены и скопились на этой станции, что происходит и почему они стоят уже несколько часов, никто объяснить не может. Со слов полковника тут присутствовали полным составом его полк, 1005-й зенитно-ракетный полк, 805-й Гвардейский самоходно-артиллерийский полк и отдельные подразделения других частей. Был так же частично штаб дивизии. Части эти и их командиров он хорошо знает, потому как они были расквартированы в одном гарнизоне. После его доклада Оганян и Красавин перекинулись парой фраз, и генерал, повернувшись к командиру полка, сказал:

– В связи с чрезвычайными обстоятельствами, о которых я доведу всем в ближайший час, как старший по званию, приказываю:

1. Эшелонам пока оставаться на месте при любых обстоятельствах.
2. Организовать охранение.
3. В течение часа за командирами частей и отдельных подразделений прибудет служебный автобус ВУАЦ ДОСААФ для сбора на совещание командиров частей гарнизона.
4. При себе командирам иметь справку о наличии сил и средств, подчиненных им и находящихся в эшелонах на этой станции.

В это время Красавин по рации вертолета отдавал распоряжения для начальника штаба о немедленном сборе всех командиров подразделений Центра. Этот приказ так же должен был быть доведен до командира 743-го отдельного воздушно-десантного батальона, командиров транспортных кораблей и заместителя командира 401-го ИАП ПВО по летной подготовке. Двенадцать самолетов МиГ-23П⁵ этого полка в это время стояли на аэродроме, в готовности с понедельника приступить к ночным полетам.

15 июня 1941 года, 11.00. Учебный класс Центра

⁵ МиГ-23П – облегченный перехватчик для войск [ПВО](#), способный вести борьбу с низколетящими целями. Начал выпускаться с [1977 года](#).

В классе не было свободных мест. Стулья стояли в проходах. Люди негромко переговаривались, разбившись по частям и поглядывая друг на друга с интересом. Большинство видели друг друга практически впервые.

Открылась дверь, и вошедший полковник Красавин, повернувшись лицом к собравшимся и сделав шаг назад, подал команду: «Товарищи офицеры!» Все встали.

В класс вошел генерал-майор Оганян в сопровождении генерал-лейтенанта Жигарева. Порученец его сидел вместе со всеми в классе и на него обращали внимание больше всего, но с расспросами не лезли.

– Товарищи офицеры! – поздоровался с собравшимися Оганян. – Садитесь. Во-первых, я – генерал-майор Оганян. Командир 44-й учебной воздушно-десантной дивизии. Разрешите мне представить вам начальника ВВС Красной Армии генерал-лейтенанта Жигарева Павла Федоровича.

В классе висела звенящая тишина.

– Да. Вы не ослышались. Именно «военно-воздушных сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии. И вот это во-вторых. Я не знаю, каким образом, да и никто тут не знает, но мы все здесь присутствующие переместились во времени. Сегодня не 18 июня 1979 года, а 15 июня 1941 года. И из этого вытекает третье. Мы все знаем, что произойдет через неделю. Счет идет на часы. Каждый из нас и наших подчиненных давал присягу на верность Родине. И время ее исполнить наступило. Пусть не в том времени и не так, как предполагалось, но что случилось – то случилось. Родина у нас одна. Поэтому тратить время попусту нам нельзя – сразу переходим к уяснению имеющихся у нас сил и средств.

Жигарев с интересом смотрел на этих незнакомых, но неуловимо уже близких ему людей. «Ближних» – хотя бы потому что, интуитивно он понимал их состояние – сам лишь недавно был в их положении – «попаданца» в неизвестность. Большинство из них – те, кого он определил по образу полковника Гольцева, как командиров сухопутных частей, были одеты в однотонную форму защитного цвета, такие же по цвету фуражки, которые сейчас лежали перед ними на столах. Несмотря на оглушительное известие – понимание, что они одномоментно лишились живших теперь в далеком будущем близких им людей, выглядели они собранно. Чувствовалась школа кадровой армии. Немного разнообразно на их фоне смотрелись командиры подразделений ВВС. Часть из них была одета в мундиры, а часть – технические спецовки черного или темно-синего цвета. Красавин на ухо пояснил, что черные спецовки – это начальники технических служб Центра и полка, а темно-синие – это командиры эскадрильи истребителей-перехватчиков, транспортных самолетов и вертолетного подразделения. На фоне их всех выделялся командир – Жигарев никак не мог привыкнуть к слову «офицер» – в камуфляжном комбинезоне и голубом берете.

– Начну со своих подчиненных, – продолжал Оганян, – 743-й отдельный учебный парашютно-десантный батальон. Командир батальона подполковник Жуков Александр Викторович.

В зале с места поднялся бравый десантник в голубом берете.

– Прошу садиться. Средства доставки и усиления: рота БМД-1 в количестве десяти машин, два вертолета Ми-8, один вертолет Ми-6⁶, четыре вертолета Ми-24В, два военно-транспортных самолета Ан-22 и Ан-12. В наличии один боекомплект.

По очереди поднялись командир вертолетного подразделения и транспортных кораблей.

– Полковник Красавин! Прошу вас доложить о ваших силах.

⁶ Ми-6 (по классификации НАТО: Hook – «крюк») – советский тяжёлый многоцелевой вертолёт. Ми-24В (изделие 242) – самый массовый вариант Ми-24, с подвижной пулемётной установкой УСПУ-24 с пулемётом ЯкБ-12,7. Вертолёт Ми-24В с 4 ПТУР 9М114 «Штурм-В» и с системой наведения «Радуга-Ш» принят на вооружение 29 марта 1976 года.

– Есть! Полковник Красавин. Начальник Вяземского учебно-авиационного Центра ДОСААФ. По плану перехода на военное время Центр преобразуется в авиадивизию. Весь комплект наземной техники для этого находится в настоящий момент на базе НЗ, расположенной здесь же. Боеприпасы – находятся на складе 401-го авиаполка. Склад ГСМ – порядка 5000 тонн керосина. Еще 900 тонн прибыли вчера и стоят в цистернах на подъездных путях. То есть запас по топливу имеется.

В наличии: 80 самолетов УТИ Ми Г-15 и 66 Ми Г-17, один Ан-2⁷, два самолета Як-12⁸; 60 летчиков-инструкторов, 150 курсантов. В конце августа учебный период для курсантов заканчивается, и они получают квалификацию летчика.

Командиры эскадрилий: Первой – подполковник Абрамов. Второй – подполковник Прокопович. Третьей – подполковник Волков.

Поднялись три офицера в форме.

– Эскадрильи преобразуются в полки. Прошу бывших комэсков представить мне ваши соображения по штатному расписанию и персоналиям.

– Заместитель 401-го истребительного авиаполка ПВО по летной подготовке подполковник Соколов!

Из-за стола поднялся невысокий офицер в летной спецовке без знаков различия.

– В наличии 12 истребителей Ми Г-23П и комплект наземного оборудования. О боекомплекте, точнее его количестве, доложу позже – на складах боеприпасы заложены для боевых действий полка.

– Спасибо садитесь. Товарищи офицеры! Прошу командиров частей и подразделений, следовавших эшелонами на учения, представляться и докладывать.

– Командир 134-го Гвардейского мотострелкового Ленинградского полка полковник Гольцев.

Его Жигарев уже видел на станции.

– В наличии: 31 танк Т-72⁹, 130 БМП-1, 2 БРМ—1К¹⁰; 12 САУ «Гвоздика»¹¹ 122 мм, 12 пушек – гаубиц Д-30 122 мм, 8 ЗСУ-23-4 «Шилка»¹². В батальонах суммарно 12 120-мм минометов. Обеспеченность – пять боекомплектов.

– Командир 805-го Гвардейского самоходно-артиллерийского полка полковник Морозов. 33 САУ 152 мм «Акация», 12 БМ-21 «Град»¹³. Пять боекомплектов.

– Командир 1005-го зенитно-ракетного полка полковник Маринин. 20 ЗРСУ «Оса-АК»¹⁴.

⁷ МиГ-15УТИ (по [кодификации НАТО](#): Midget, Миджит – [англ.](#) Карлик) – советский реактивный двухместный учебно-тренировочный самолёт, созданный на базе истребителя [МиГ-15](#). Разработан [ОКБ Микояна и Гуревича](#) в конце 1940-х годов. МиГ-17 (изделие СИ, самолёт И-330, по [кодификации НАТО](#): Fresco, Фрескоу – [англ.](#) Фреска) – советский реактивный истребитель, разработанный [ОКБ Микояна и Гуревича](#) в конце 1940-х годов. Первым из серийных истребителей достигал достижение [скорости звука](#), но для боевых полётов считался околосзвуковым. Ан-2 (по [кодификации НАТО](#): Colt – «Жеребёнок», разг. – «Кукурузник», «Аннушка») – [советский](#) лёгкий многоцелевой самолёт. Представляет собой [поршневого](#) однодвигательный [биплан](#) с [расчалочным](#) крылом.

⁸ Як-12 (по кодификации НАТО: Creek – «Ручей») – лёгкий многоцелевой транспортный самолёт. Был разработан [КБ](#) под управлением [Александра Сергеевича Яковлева](#).

⁹ Т-72 «Урал» – [основной боевой танк СССР](#). Самый массовый [основной боевой танк](#) второго поколения. Принят на вооружение в [Вооружённых Силах СССР](#) с 1973 года.

¹⁰ Боевая разведывательная машина БРМ-1К – бронированная самоходная машина на гусеничном ходу, предназначенная для разведки на поле боя.

¹¹ 2С1 «Гвоздика» – [советская](#) 122-мм [полковая самоходная гаубица](#).

¹² ЗСУ-23-4 «Шилка» (индекс [ГРАУ](#) – 2А6) – [советская зенитная самоходная установка](#), серийное производство начато в 1964 году. Вооружена счетверённой автоматической 23-мм пушкой.

¹³ 2С3 «Акация» (индекс [ГАБТУ](#) – объект 303) – [советская](#) 152-мм [дивизионная самоходная гаубица](#). 9К51 «Град» – [советская реактивная система залпового огня](#) (РСЗО) [калибра](#) 122 мм.

¹⁴ «Оса» (индекс [ГРАУ](#) – 9К33, по [классификации МО США и НАТО](#): SA-8 Gecko («Геккон»)) – советский автоматизированный войсковой [зенитный ракетный комплекс](#).

– Командир 597-го отдельного учебного разведывательного батальона подполковник Акимов. Десять танков Т-55А, 13 танков ПТ-76 модель 4, 10 БМП-1, 15 БТР-70¹⁵. Пять боекомплектов.

– Начальник оперативного отделения штаба 45-й Гвардейской мотострелковой Красносельской ордена Ленина Краснознаменной дивизии гвардии майор Тимохин. Отделение присутствует в полном составе. Могу дать пояснения по поводу наличия такого количества боеприпасов. На окружных складах идет их плановая замена. Поэтому нам отгрузили боеприпасы с заканчивающимся сроком хранения и разрешили на них не экономить.

– Ну что же! – подвел итог генерал Оганян. – У нас есть сюрприз для вермахта. Сейчас, после уяснения наших сил и возможностей, нам нужно будет представиться командованию РККА и уже далее готовиться к боям в составе Красной Армии. Прошу командиров частей и начальника оперативного отдела остаться. Я думаю, нам, исходя из наших знаний общей оперативной обстановки, нужно выработать в общем плане предложения для Генерального Штаба Красной Армии по нашему применению. Остальным – довести обстановку до подчиненных и уже сейчас готовить личный состав и матчасть к боям.

Красавин окликнул выходящего замполита Центра подполковника Кияна:

– Сергей Павлович! Срочно отправь курсантов или лучше сам обойди все библиотеки – и нашу, и поселковую, и школьную – подними директора школы – пусть откроют – собери все книги о войне, по экономике, технике, вообще все, что может быть полезно и может быть использовано. Это первое. Второе – тоже срочно, погрузите «тридцатьчетверку», которую нам дали для подготовки в качестве памятника, на трал и на нем отвезите на аэродром. Повезем транспортником в Москву. Книги тоже отвезем. И не забудь литературу ДСП. Все надо сделать быстро. И еще. Пригласи председателя сельсовета ко мне. Пусть придет, скажем, через... два часа. Нужно готовить в «Соколе» или перед ним собрание жителей поселка. Необходимо довести информацию, и придется проводить мобилизацию военнообязанных. Нам нужно укомплектоваться хотя бы частично техниками и водителями.

– Есть. Книги тоже сразу на аэродром?

– Да.

– Есть еще предложение. К дате 22 июня для показа в ДК «Сокол» я завез фильмы по этой тематике: «Освобождение»; «В бой идут одни «старики»; «Горячий снег»; «На войне, как на войне»; «А зори здесь тихие»; «Они сражались за Родину»; «Офицеры»; «Живые и мертвые»; «Небесный тихоход». Ну и до кучи «Белое солнце пустыни» и «В зоне особого внимания», хотя не знаю, подойдут ли они? Что если их отправить в Москву?

– Думаю, стоит отвезти. Там разберутся, что к чему. Да, и еще – в библиотеке не забудь стихи и песни о войне.

– Сделаем.

И замполит, козырнув, что было непривычно, ушел.

Оставшиеся пересели ближе к генералам.

– Первое! Майор Тимохин! Поставьте задачу одному из дивизионных особистов обследовать территорию с целью определения границ переноса непосредственно на местности. Товарищ подполковник! – обратился к начальнику штаба Центра Оганян. – Попрошу вас обеспечить картами и сопровождающими из жителей вашего поселка для организации этого. Командирам 134-го полка и 743-го батальона – выделить личный состав для выставления постов на дорогах в местах пересечения границ территории переноса. Думаю, в дальнейшем этим займутся специально обученные люди из этого времени. Никого не задерживать – просто

¹⁵ Т-55 – [советский средний танк](#). Создан на базе танка [Т-54](#). Производился с 1958 по 1979 год. ПТ-76 (*Объект 740*) – [советский лёгкий плавающий танк](#). Принят на вооружение в [1951 году](#). БТР-70 – [советский бронетранспортёр](#) – боевая колёсная плавающая [бронемашина](#), предназначенная для транспортировки личного состава мотострелковых подразделений и их огневой поддержки, в том числе и в условиях применения [оружия массового поражения](#).

не пускать на территорию 1979 года. И в другую сторону тоже. Но без фанатизма! И там и там – наши советские люди! Второе! Все, надеюсь, помнят в основных чертах ход первой операции вермахта в Белоруссии? – спросил Оганян и пригласил всех к карте Белоруссии, подготовленной штабом Центра.

– Тем, кто подзабыл: первые «клещи» немцы замкнули в Минске. Кажется 28–29 июня. Южнее Бреста наступала 2-я танковая группа Гудериана, севернее – 3-я танковая группа Гота. К моменту выхода их к Минску в Минском УР войск почти не было – из глубины дивизии подойти не успели, а войска 3-й, 4-й и 10-й армий остались в окружении западнее Минска.

Оганян водил кончиком карандаша по карте, указывая им города и примерные районы.

– Поэтому я предлагаю нашу сборную дивизию – три полка плюс два отдельных батальона разместить под Минском. Поясняю почему: боеприпасов у нас немного, поэтому втягиваться в затяжные бои нам нельзя – плюс ни в коем случае нельзя допустить попадания образцов нашего оружия и техники немцам – поэтому заранее располагаем дивизию за пределами планируемого немцами «котла». Еще деталь – наше ПВО сможет прикрыть Минск. Буду предлагать Генеральному Штабу использовать дивизию для выбивания техники и нанесения максимально возможных потерь именно 2-й танковой группе. Нужно ее максимально ослабить перед возможным ее ударом в тыл Юго-западному фронту. Так было в нашей истории. Как теперь она пойдет – не знает никто. По авиации: товарищ полковник и товарищ подполковник! Доложите ваши соображения.

Первым поднялся полковник Красавин.

– Мое предложение: разделить дивизию – непривычно звучит для меня – «дивизия» – на две части. Один полк в количестве 36–40 самолетов, составленный из летчиков-инструкторов, посадить восточнее Минска.

– Товарищ генерал-лейтенант! – обратился он к Жигареву. – Нужен аэродром с бетонной или асфальтовой ВПП длиной не меньше одного километра восточнее Минска, но желательно недалеко от него.

Жигарев, задумавшись на секунду, уверенно произнес:

– Бобруйск. Сейчас он пустует, полки переместились в Западную Белоруссию.

Красавин склонился над картой с циркулем, отмеряя расстояния.

– Сто сорок километров до Минска. Считаем радиус работы от Бобруйска – пятьсот километров. Достаем до Бреста. Кроме как истребители мы можем работать разведчиками или истребителями-бомбардировщиками, но очень «небольшими» – максимум по две 250-килограммовые бомбы можем брать. А «спарки» и того меньше – две по сто. Еще вариант – использовать подвесные баки как емкости с напалмом.

Жигарев вопросительно посмотрел на него.

– Это такая горячая смесь на основе бензина. Оружейники дадут ее состав. Имеет неплохой эффект при применении против живой силы и техники – особенно в маршевых колоннах. Но нужно наладить производство подвесных баков – они у Ми Г-17 сделаны из дельта-древесины, поэтому я думаю, промышленность сможет их быстро освоить, – пояснил Красавин. – Так вот, напалм эффективно использовать против скоплений живой силы и техники на марше или в районах сосредоточения. Аэродромы для этого оружия тоже подходящая цель. Остальные самолеты останутся здесь. Нужно доучить курсантов. Кроме того, думаю, сюда нужно привезти конструкторов, двигателистов, оружейников – для ознакомления с образцами нашей техники и возможного изготовления ее в современных условиях. От Штаба ВВС просил бы помочь авиатехниками и обеспечением охраны аэродрома. У нас попросту на это нет людей. И еще момент – с нами под Бобруйск нужно перебрасывать вертолеты. Во-первых, будут поддержкой танкам и пехоте – лучше их это никто не сможет сделать. Во-вторых, если собьют наш Ми Г – они смогут эвакуировать летчика, а Ми-6 сможет унести и самолет – если там будет что уносить.

После Красавина заговорил заместитель по летной подготовке 401-го полка подполковник Соколов:

– На асфальтовый аэродром сажать наши самолеты опасно. Двадцать тонн на узком шасси на посадочной в 250 километров... Опасно. Потеряем самолеты. Нам придется остаться здесь. Предлагаю. Если первую РЛС разместить в Минске, одна останется в Вязьме, то есть смысл поставить третью в Смоленске. Таким образом, с помощью радиолокационного поля мы закроем небо площадью примерно 900 на 400 километров. Это весь тыл Западного фронта до Москвы.

– Отлично по авиации! – одобрил Оганян. – РЛС нужно прикрыть батареей «Ос» каждую, плюс по батарее на аэродром. Так что, товарищ полковник, – обратился он к полковнику Маринину, – придется нам растащить ваш полк на время. Сами-то где будете?

– Буду со станцией наведения в Минске, – ответил тот и добавил: – Товарищ генерал-майор! Прошу выделить для батарей охранение. Хотя бы по взводу. Чувствую, как разберутся немцы, кто им крылья обламывает – постараются решить проблему с нами кардинально. От авиации мы, особенно с помощью летчиков, отобьемся, а вот от диверсантов будет сложнее.

– Добро! – ответил генерал. – Подумаю, кого вам выделить.

– В общем, подводя итог, – произнес Оганян, глядя на Жигарева, – если штаб ВВС не возражает, то с авиацией мы определились, ну а с пехотой придется решать вопрос, как мне кажется, в Москве. Товарищ генерал-лейтенант! Думаю, время терять не стоит – нужно лететь с вами в Москву.

– Вы правы, – ответил Жигарев, – появилось множество вопросов, выходящих за пределы моих полномочий. Да сам факт вашего существования – уже государственный вопрос.

– Когда вы готовы вылететь? – обратился он к Оганяну.

– Немедленно. Но думаю, лететь нужно и полковнику Красавину – он сможет более полно и грамотно изложить возможности авиации.

– Я предлагаю, – вступил в разговор Красавин, – перегнать в Москву «Антей». Ему тут сейчас делать нечего. Заодно мы вывезем экземпляры Т-34-85¹⁶, которые можно производить уже сейчас.

– Решено! Летим двумя самолетами. Вас, товарищ генерал-майор! И вас, товарищ полковник – прошу лететь со мной на ПС-84. У меня много вопросов к вам обоим.

– Всем товарищам... командирам – прошу меня извинить – не привык к слову «офицер» – большое спасибо. Если вообще слова тут могут как-то объяснить чувства, которые я сейчас испытываю. Я думаю, сегодня, в крайнем случае завтра, тут будет кто-то из Генерального Штаба и сможет квалифицированно оценить возможности вверенных вам частей и составить план их использования.

Все покинули класс – командиры частей ЛВО, отказавшись ехать на автобусе, пешком пошли на станцию, наслаждаясь последними часами мирной жизни поселка конца 70-х годов.

К вышедшим на плац перед штабом генералам и полковнику Красавину подошел начмед Центра майор Зинкин и, спросив разрешения у генерал-лейтенанта Жигарева, обратился к полковнику Красавину:

– Товарищ полковник! Вот эту книгу – справочник по антибиотикам, рецептуре и применению нужно обязательно передать медицинскому руководству Красной Армии. Сведения из этого справочника спасут сотни тысяч жизней.

– Спасибо, Валерий Николаевич! Обязательно передам.

Через три часа с аэродрома «Двоевка» последовательно взлетели и направились на восток два самолета. Сначала улетел ПС-84 с порученцем Жигарева. Он должен был организовать

¹⁶ Т-34-85 – [советский средний танк](#) периода [Великой Отечественной войны](#).

прием Ан-22 в Монино, на котором должны были прилететь Жигарев, Оганян и Красавин и куда была погружена библиотека и фильмы. В своем грузовом отсеке нес тягач с трейлером и танком Т-34-85. Ан-12 решили пока оставить на аэродроме «Двоевка».

15 июня 1941 года, 16.30. Аэродром Монино

Все присутствующие в этот час на аэродроме, задрав головы, с немым удивлением смотрели на то, что сейчас, сделав круг над ними, садилось к ним на взлетно-посадочную полосу. Этот монстр вызывал оторопь даже у ветеранов ВВС. Огромный, просто огромный, четырехмоторный, двухкилевой самолет, выпустив шасси, приближался к земле, подавляя ревом своих двигателей все вокруг. Через десяток минут он зарулил на свободное место на стоянке рядом с самолетом Жигарева. Последние три часа Павла Федоровича были для него самыми интересными, наверно, за всю жизнь. С этим можно было сравнить разве только восторг первого полета. Вот практически это и испытал Жигарев перед вылетом с аэродрома «Двоевка».

Началось с того, что Красавин дал ему возможность посидеть в истребителе Ми Г-17, высказав сожаление, что время не позволяет поднять в небо «спарку». Жигарев с удовольствием оглядывал кабину со множеством приборов, узнавая многие из них и слушая тактико-технические возможности «реактивного истребителя первого поколения» – как его назвал полковник. В уме Жигарев отмечал, что этот самолет вполне может быть освоен летчиками его времени – принципиально другим здесь был только двигатель. По тактике применения этот пушечный истребитель мало отличался от поршневых самолетов.

После Ми Г-17 Жигарев «освоил» кабину Ми Г-23. Тут уже у него просто глаза разбегались, только глядя на приборную доску. А слушая о его возможностях – захватывало дух. Потом был Ми-24В и Ми-6. Первый реально показался ему «летающим танком», слушая, сколько и какого оружия он может захватить в полет и какой броней обладает. Удивила его и скорость этого вертолета – она мало уступала штурмовикам его времени, но в маневренности они не шли с вертолетом ни в какое сравнение. Ну, а «гигант» Ми-6 вообще поражал воображение. А потом пришел трейлер с танком, и Жигарев отправился смотреть его погрузку в «Антей». Вид открывшейся ramпы и грузовой отсек ошеломили его. Танк был погружен на трейлере вместе с тягачом. Ан-12 на фоне «22-го» смотрелся не так солидно, но все равно впечатлял. Особенно учитывая скорость их полета – редкий истребитель его времени мог бы посоревноваться с этими гигантами в скорости. Напоследок Оганян решил тоже немного «похвастаться» и прокатил Жигарева по аэродрому на БМД, что доставило Жигареву массу впечатлений. Перед полетом Жигарев попросил полковника Красавина и генерала Оганяна накинуть на кителя ну, например... летные куртки, чтобы не смущать в Москве всех подряд. Полковник и генерал отнеслись с пониманием, сняв кителя и сложив их через руку, и надев летные куртки прямо поверх рубашек.

За несколько минут до вылета на аэродром приехал подполковник Соколов. Проверив у начальника склада перечень имеющихся боеприпасов, он порадовал Красавина информацией о ракетах С-24, блоках Б-8 и НАР 80 мм, снарядов к 23-мм пушкам Ми Гов. Кроме этого, имелся запас ракет средней дальности Р-23Р и Р-23Т и малой дальности Р-60М, ракеты «воздух – поверхность» Х-23М. Хотя послушав их характеристики, Павел Федорович поставил в уме галочку – потомки считали малой дальностью выстрел ракетой с десяти километров. Эти ракеты, так же как С-24 и НАР 80-мм, использовались и вертолетами.

Весь обратный полет Красавин и Оганян, перекрикивая рев двигателей самолета, дополняя друг друга, рассказывали, что нужно сделать в ближайшие дни, чтобы избежать разгрома авиации, случившегося в их истории. Жигарев слушал внимательно, делая пометки в блокноте и задавая вопросы. Говорили также о тактике применения различных типов самолетов. Тут дело сильно осложнялось практически отсутствием радиосвязи и станций наведения. Эти вопросы одномоментно решить было невозможно. Утешало то, что на московском направлении потомки разместят четыре их РЛС. За Жигаревым оставался вопрос организации связи

дивизий и полков с этими станциями для увеличения эффективности действий советской авиации. Кроме того, нужно было успеть оттянуть передовые авиаполки от границы и одновременно перебросить другие с востока Белоруссии на широту Минска, уплотняя боевые порядки. Тут же стоял вопрос о сведении всей авиации округа под единое командование – то есть формирование воздушной армии. Но этот вопрос нужно было согласовать с Генштабом, и Жигарев обоснованно считал, что за оставшиеся дни решить его не успеет. Но начинать было нужно сейчас. Все, что подразумевалось делать в ЗОВО, автоматически необходимо было переносить и в другие округа. Нужно было полностью менять структуру и принципы управления авиацией.

Дождавшись, когда на стоянку приедет служебная «эмка» Штаба ВВС, и устроившись в ней, Жигарев приказал ехать к коменданту аэродрома. Через пятнадцать минут он поставил коменданту задачу разместить и накормить всех прилетевших с аэродрома «Двоевка» и самое главное – выставить усиленные посты к их самолетам. Никого, кроме тех, кто прилетел на них – к ним не подпускать без особого его личного разрешения. Подумав, он оставил проконтролировать, как разместятся экипажи порученца, заодно приказав ему заказать по телефону два номера в гостинице на его имя, и выехал с потомками в Москву. Из всего набора литературы он захватил с собой два шеститомника «Истории Великой Отечественной войны» и мемуары немецких генералов. Остальное, включая фильмы, должен был позже привезти порученец.

Разместив полковника и генерала в гостинице и обеспечив их ужином, Жигарев поехал в Штаб ВВС. Оттуда он по телефону позвонил секретарю Сталина, попросив о срочной встрече по особо важному делу. Через некоторое время Поскребышев перезвонил ему, сказав, что Сталин ждет его на Ближней даче в Кунцево в 21 час.

15 июня 1941 года, 21.00. Дача Сталина в Кунцево

Ровно в 21 час Жигарев перешагнул порог кабинета на даче Сталина. Сталин, одетый по домашнему, сидел за столом и, как по неуловимым признакам понял Жигарев, был не очень доволен этим вечерним визитом. Жигарев и так сломал голову в поисках наиболее удобного варианта, КАК ознакомить Вождя с тем, что он узнал за этот день, а тут вообще все вылетело из головы, и он откровенно оробел. Да что там оробел! Он откровенно «потерялся», когда встретился со взглядом Сталина. Все слова сразу куда-то пропали. Поэтому поздоровавшись со Сталиным, он молча стал доставать из портфеля и выкладывать на стол тома «Истории Великой Отечественной войны» и другие книги, переданные ему Оганяном и Красавиным.

– Что это? – глядя на него, спросил Сталин.

– Здесь все – когда, где и какими силами нападут на нас немцы.

– Это вы узнали в Минске, куда сегодня летали?

– Я не долетел до Минска, товарищ Сталин.

Сталин поднялся и, обойдя стол, взял протянутый ему Жигаревым первый том «Истории».

– «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Том 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. – М.: Воениздат, 1960. – 600 с. Тираж 125 000 экз.», – прочел он вслух на обложке.

Перевернул страницу и продолжил:

– Шеститомный труд «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» разработан коллективом научных сотрудников Отдела истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (заведующий отделом Болтин Е. А., заместитель заведующего отделом Тельпуховский Б. С.) на основе: документальных материалов, хранящихся в центральных партийных и государственных, ведомственных и местных архивах СССР; материалов архивов Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики, Чехословацкой Республики, Народной Республики Болгарии, Румынской Народной Республики, Венгерской Народной Республики; опубликованных документов СССР и других стран, а также советской и иностранной научно-исторической литературы.

На несколько секунд в комнате воцарилось молчание. Сталин как бы переваривал только что им прочтенное. Каждая фраза, произнесенная им, – даже по отдельности – требовала осмысления. А тут все прочтенное состояло из таких фраз.

«История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» – первоначально Сталину показалось, что речь идет о войне, известной ему как Первая мировая, но называемой еще царской элитой – Великой. Но год указывал, что речь идет о другой войне. О войне, которая должна случиться в ближайшие полгода.

«Том 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами» – вот здесь все соответствовало действительности. Если война и могла начаться, то развязать ее могли только империалисты.

«М.: Воениздат, 1960. – 600 с. Тираж 125 000 экз.» – а вот эта фраза была самая загадочная. Как он понимал, «1960» – это год издания книги. И вот это было самое невероятное. Он полистал книгу, еще раз внимательно осмотрел переплет, но это никак не помогло ему в осмыслении только что прочитанного.

«Разработан коллективом научных сотрудников Отдела истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС» – что такое «ЦК» он понимал. А вот что такое «КПСС» – уже нет.

«Материалов архивов Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики, Чехословацкой Республики, Народной Республики Болгарии, Румынской Народной Республики, Венгерской Народной Республики».

И вот это тоже значительно увеличивало количество вопросов, возникающих в голове у Вождя.

Он положил книгу на стол и взял другую, гораздо меньше «Истории...», «Танковые операции» Гота.

– «Издание: *Gott G.* Танковые операции. – М.: Воениздат, 1961.

Оригинал: *Hoeth H.* Panzer-Operationen. – Heidelberg, Kurt Vowinckel Verlag, 1956.

Аннотация издательства: Книга написана на основе некоторых архивных материалов и личных воспоминаний бывшего командующего 3-й танковой группой немецких войск на советско-германском фронте. Большая часть книги посвящена описанию подготовки гитлеровского командования к нападению на Советский Союз и военных действий на Восточном фронте во время летне-осенней кампании 1941 года. Обобщая опыт использования танковых соединений в минувшей войне, автор излагает свои взгляды на применение танковых соединений и объединений в будущей войне. Русский перевод книги рассчитан на генералов и офицеров Советской Армии», – прочел он на первом листе.

Листая ее, он внимательно смотрел на прилагающиеся к тексту карты и схемы. На них были обозначены в качестве целей ударов советские города. Сталин положил книгу и, достав из кармана трубку, принялся ее набивать.

– Рассказывайте, товарищ Жигарев.

И Жигарев начал говорить. Сначала он торопился, и Сталин останавливал его уточняющими вопросами, потом успокоился и стал пересказывать обстоятельно все происшедшее с ним за этот длинный день.

– Товарищ Сталин! У нас осталось меньше недели! – закончил Жигарев с болью в голосе. Он помнил цифру, сказанную ему Рябцевым, – 20 миллионов – и понимал, как мало осталось времени, чтобы попытаться изменить что-либо, и как не готова авиация к тому, что на нее обрушится через неделю. Это страшное касалось всей страны, всего советского народа, всей армии – он это понимал, но особенно больно было осознавать неготовность тех, за кого отвечал он – Жигарев.

Пока Жигарев рассказывал, Сталин ходил по кабинету и курил трубку. Сейчас он стоял у окна, посасывая уже потухшую трубку, смотрел в сад, но глаза его видели совсем другое –

он видел неминуемую гибель сотен тысяч, миллионов людей, горящие города и села, послевоенная нищета, голод и разруху. СССР будет отброшен назад в экономическом развитии, прахом пойдут все довоенные достижения в народном хозяйстве и обществе. Многое придется начинать сначала.

Жигарев уже молчал минут пятнадцать. Сталин, замерев, все стоял у окна. Жигарев понимал – Вождь сейчас осознает беду и ищет решения, которые могли бы уменьшить последствия этой беды.

– Где они? – вопрос Сталина прозвучал для Жигарева неожиданно, но он понял, что Сталин спрашивает о Красавине и Оганяне.

– В гостинице РККА, – ответил он.

– Сделаем так. Завтра в девять утра пусть они будут на аэродроме в Монино. Я приеду туда. Там мы и познакомимся. Книги оставь тут.

– Есть товарищ Сталин! – ответил Жигарев, и Сталин подошел к Жигареву, пожал руку и, заглянув ему в глаза, добавил:

– Что делать тебе, ты уже понял. Действуй. Времени у нас действительно уже нет.

– Так точно, товарищ Сталин! – ответил Жигарев и, повернувшись, пошел к двери.

Закрывая за собой дверь, он увидел, что Сталин с томом «Истории...» в руке снимает трубку телефона.

«Не у одного меня сегодня будет бессонная ночь. И она только первая», – подумал Жигарев.

– Соедините меня с Шапошниковым, – произнес в трубку телефона Сталин, когда закрылась дверь за начальником Штаба ВВС.

– Борис Михайлович, прости за поздний звонок, я прошу приехать ко мне в Кунцево. Машину за тобой я отправлю.

Следующим был звонок Берии.

– Лаврентий! Срочно приезжай ко мне в Кунцево.

Сделав звонки, Сталин набил новую трубку и углубился в чтение первого тома.

16 июня 1941 года, 8.30. Аэродром Монино

Сидя на переднем сиденье, Жигарев спал. Он заснул сразу, как машина, подобрав у гостиницы Красавина и Оганяна, направилась в Монино. Это были единственные минуты сна начальника Штаба ВВС в эти сутки. Красавин и Оганян, понимая это, всю дорогу молчали, разглядывая утреннюю Москву и Подмосковье. Всю ночь Жигарев сидел на телефоне, измотав телефонистку, непрерывно соединявшую его с начальниками ВВС округов. Только он прекращал говорить с одним округом, как на него выходила дежурная с другого округа – там торопились доложить о выполнении или пытались до конца уяснить требования начальника Штаба ВВС. И так прошла вся ночь. Кроме Жигарева – работал весь Штаб ВВС, поэтому интенсивность работы узла связи сильно не соответствовала обычной ночной выходного дня.

Жигарев отдал устные приказы, письменные готовил на его подпись штаб – о подготовке к переброске полков из приграничья в глубину округов. Аэродромы, на которые можно было посадить полки, согласовывались немедленно с начальниками ВВС округов. Жигарев в блокноте записывал номера полков и новые аэродромы. Кроме этого, он приказал пока подготовить к эвакуации в тыловые округа самолеты новых серий, для которых не было боеприпасов или которые еще не освоены частями. То же самое касалось частей, на вооружении которых стояли самолеты с пулеметами калибра 7.62. Вот тут начальники ВВС округов заартачились – таких полков было немало – и потребовали письменных приказов.

«Будут приказы! Сегодня будут!» – отвечал Жигарев.

Он также требовал при смене аэродромов обязательного рассредоточения полков немедленной маскировки, подготовки укрытий для личного состава, организации наземной охраны и обороны и ПВО. Большинство этих требований уже издавалось в приказах ранее, но как

понял Жигарев из рассказов Красавина и Оганяна – выполнено не было. Сейчас он имел твердое намерение добиться их исполнения. Часть вопросов – переподчинение частей армейских ВВС под единое командование (Жигарев начал готовить почву для создания ВА); обеспечение боеприпасами и ГСМ заранее – он подготовил для решения через Генштаб.

Не спал в эту ночь не только Штаб ВВС. Почти до утра горел свет в кабинете Вождя. Когда туда приехали Шапошников и Берия, Сталин уже успел пробежаться с карандашом по первым главам «Истории...». Поэтому он вручил Лаврентию первый том «Истории...» и сказал, с какой страницы начинать читать. А Шапошникову дал «Танковые операции» Гота. После чего закурил трубку и стал молча прохаживаться по кабинету, изредка посматривая на Лаврентия и Шапошникова. Лица их были бледны, особенно у Шапошникова, ввиду его большей осведомленности о расположении наших войск в приграничных округах, и периодически промокали лоб платками. Лаврентий еще протирал и пенсне. Тишина продолжалась довольно долго, но наконец, Берия оторвался от книги и спросил Сталина:

– Этому можно верить?

Сталин помолчал и ответил:

– Борис Михайлович! То, что написано о наших войсках – состав, расположение – соответствует действительности?

– Да. Соответствует, – ответил тот.

– Значит, вероятность такого развития событий высока. Мы должны принять все меры, чтобы уменьшить последствия немецкого удара. Поэтому я вас попрошу, Борис Михайлович, взять сколько вам будет нужно командиров Оперативного управления Генштаба и сделать выписки из плана «Барбаросса» с привязкой к нашим приграничным округам. Естественно, без указания источника. С соблюдением секретности.

– Лаврентий, – обратился он к Берии, – это нужно обеспечить.

Тот в ответ кивнул.

– Я сейчас позвоню оперативному дежурному по Генштабу – он выполнит ваше распоряжение по людям.

– Это не все, – продолжил Сталин. – Завтра в двенадцать часов нужно собраться и обсудить возникшее положение. Я подумаю, кто нам будет нужен, но вам обоим нужно присутствовать. И к этому времени нужно сделать карту наших приграничных округов с дислокацией войск, отобразить немецкие группировки и направления ударов их первых операций.

– Успеете сделать? – спросил он Шапошникова.

– Так точно, товарищ Сталин! – ответил маршал.

– А мы с тобой, Лаврентий, завтра утром поедем знакомиться с теми, кто нам передал эти книги. В девять утра быть на аэродроме в Монино. Там и посмотрим – можно им доверять или нет.

– Да! Вот еще что, Борис Михайлович! Вот тут у меня еще есть Боевой устав пехоты, Боевой устав танковых войск, Боевой устав артиллерии. Тоже нужно поработать с этими документами, сравнить с нашими и посмотреть, что можно взять полезного.

Сейчас Сталин, подъезжая к аэродрому, продолжал размышлять о превратностях судьбы и законах философии – чуть более двадцати лет назад он и его товарищи боролись против людей в погонах – врагов. А теперь он едет знакомиться с людьми в погонах, которые только одними своими книгами уже оказали неоценимую помощь стране, – а сколько и чем еще смогут помочь – он узнает в ближайшее время. Ленин, рассуждая о развитии мира в работе «К вопросу о диалектике», обозначил диалектическую концепцию развития фразой: «Познание человека не есть прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали».

И вот развитие истории именно сейчас это доказывает на практике. Снова Империя, не царская – нет, но такая же по масштабам и более мощная, нежели предшествующая, и именно

он – тот, кто боролся с той Империей, той армией, повторит ее еще раз – на новом историческом отрезке спирали развития. Он прочел в книге у потомков, что он введет погоны, обратится к истокам мужества и стойкости народа, даст шанс Русской Православной Церкви. Сталина мучило сожаление о потерянных годах, людях, судьбах на борьбу, в общем-то с «ветряными мельницами», и только понимание неизбежности ошибок развития, неизведанность пути, по которому идет страна, немного успокаивали его. Он, как всегда, серьезно относился к знаниям и поэтому был уверен, что сможет переосмыслить всю информацию, попавшую к нему из будущего, чтобы избежать ошибок или уменьшить последствия уже совершенных. Но это была вторая по важности проблема – первая уже стояла перед страной во весь рост – ВОЙНА!

На подъезде к Монино уже стояли машины Лаврентия и его сопровождения. Пропустив их вперед, они пристроились в колонну сзади и в таком порядке въехали на аэродром. Искать на аэродроме, куда им ехать, не было нужды – гигант был виден с любой точки аэродрома. Его размеры подчеркивались особенно сравнением со стоявшими возле него автомобилями Жигарева. Сталин остановил машину, не доезжая метров сто до самолета, и вышел из машины. Прищурившись, он молча разглядывал гиганта. Минутой позже к нему присоединился Берия. Разглядывая самолет, Сталин сравнил его с самым большим советским самолетом его времени – Ант-20. На глаз по внешним размерам они были сравнимы. Интересно было узнать его характеристики, и Сталин направился к выстроившимся в шеренгу у самолета людям. Навстречу ему вышел генерал-лейтенант Жигарев. Сталин махнул ему рукой, отменяя доклад, и протянул руку, здороваясь. Подойдя к шеренге, он оглядел стоявших перед ним людей. В общем-то, обычные советские люди, просто непривычно одетые.

– Здравствуйтесь, товарищи! – негромко поздоровался он с потомками.

– Здравия желаем, товарищ Сталин! – рявкнула в ответ шеренга.

«Жигарев постарался!» – хмыкнул про себя Сталин, подходя к правофланговому офицеру и протягивая ему руку.

– Командир 44-й Учебной воздушно-десантной дивизии Воздушно-десантных войск генерал-майор Оганян! – доложил тот, отдав честь и пожимая протянутую руку.

Оганян чувствовал себя немного не в своей тарелке – он был в повседневном мундире. Выезжал-то на учения. А попал на парад.

Вот полковник Красавин был при полном параде – прямо как с картинки офицер в золотых погонах! После представления его Сталин задержался около полковника, внимательно разглядывая форму. Причем, рассматривая ее, он несколько раз посмотрел на форму начальника Штаба ВВС – как бы сравнивая. И судя по выражению его лица – вариант с погонами его не разочаровал. Далее ему представились все семь членов экипажа корабля. Поздоровавшись со всеми, Сталин обратился к командиру корабля с просьбой рассказать ему о возможностях самолета. Отдав приказ на разгрузку трейлера, командир повел Сталина и Берию к хвосту самолета, докладывая характеристики и давая пояснения на возникающие вопросы.

Сталин с интересом посмотрел выгрузку трейлера с танком Т-34-85, причем и танк он осмотрел тоже внимательно, а потом вся группа по опущенной рампе поднялась в грузовой отсек. Вот это было самым сильным впечатлением. Он переспросил командира корабля о том, сколько солдат может поднять «Антей». Сталину понравилось имя самолета. Командир доложил штатные цифры, добавив, что в 1972 году во время эвакуации советского персонала из Египта Ан-22 взял на борт 700 человек. Цифра впечатлила всех. После осмотра «Антея» Сталин поблагодарил экипаж за интересную, как он назвал – «экскурсию» в будущее, и вместе с Берией в сопровождении Жигарева, Оганяна и Красавина подошел к танку.

– Товарищ Оганян! Расскажите все, что знаете об этом танке. И главное – сможем ли мы сегодня наладить производство таких же красавиц?

– Так товарищ Сталин! Это обычная «тридцатьчетверка», – какие выпускаются и сейчас. Отличие – большой погон под башню, орудие 85 миллиметров – остальное уже все произво-

дится. Ну конечно, технологически и технически он более совершенен, нежели сегодняшние танки – он был радиофицирован, коробка перемены передач пятиступенчатая, двигатель отлажен и имеет значительно больший ресурс по моточасам. Приборы наблюдения значительно улучшены. Но в целом это та же «тридцатьчетверка». Я думаю, нашим конструкторам и инженерам не составит особого труда разобраться в улучшениях, сделанных в этой модели по сравнению с базовой.

Сталин, слушая генерала, отметил про себя «нашим».

«Потомки даже в мыслях не отделяют себя от Родины! Сегодняшней Родины», – подумал он.

– И как там? В будущем, – спросил он, обращаясь сразу и к Оганяну и Красавину.

– Неплохо, товарищ Сталин! – ответил за обоих Оганян. – Вторая по мощи страна в мире. Первая в космосе. Мы производим все, что только изобрело человечество. Все эти достижения заложены в ваше время. Мы об этом помним.

– Так не бывает – чтобы действительно все было только «хорошо» – ответил Сталин. – Наверно, есть и проблемы?

– Есть, – поддержал беседу полковник Красавин, – но они в принципе все решаемые. Главное – мирный труд советских граждан гарантирован, а с остальным – разберемся. На сегодня для нас главное – помочь стране победить в этой войне с меньшими потерями.

– Вы члены партии? – задал вопрос Сталин.

– Да. Мы – члены КПСС, – ответил Оганян.

– КПСС, – задумчиво произнес Сталин. – Расшифруйте, пожалуйста.

– Коммунистическая партия Советского Союза, – такое решение о переименовании принял XIX съезд ВКП(б) в 1952 году, – произнес Красавин.

– Ну ладно. Я поработаю над вашей «библиотекой», – сказал Сталин, – и фильмы посмотрю. Но это все – позже. Сейчас, товарищ Жигарев прав – нужно дорожить каждой минутой. Наверно, у вас есть какие-то предложения, как можно использовать вашу технику? – Сталин пытливо смотрел на потомков.

– Так точно! Товарищ Сталин! – переглянувшись с Красавиным и приняв положение «смирно», ответил Оганян. – Есть задумка, как устроить немцам неприятный сюрприз.

– Хорошо! Подробности вы обсудите с товарищем Жуковым. Думаю, будет правильным направить его для помощи нашему командованию в Белоруссию. К тому же он там долго служил и знает театр. Но понимая, что ваши возможности велики, но не безграничны, хочу спросить, что вам необходимо в первую очередь, чтобы «сюрприз» состоялся?

– Товарищ Сталин! Части и подразделения имеют некоторый запас боеприпасов и ГСМ. На один «сюрприз», я думаю, хватит. А вот в дальнейшем нам все это понадобится. Думаю, обязательно нужно будет организовать приезд к нам конструкторов, инженеров и ученых по профилю, чтобы наладить производство всего необходимого – хотя бы по минимуму – чтобы мы могли использовать свою технику, – ответил Оганян.

– Лаврентий! – обратился Сталин к Берии. – Думаю, этими вопросами, а также организацией безопасности подразделений и... как называется ваш аэродром?

– «Двоевка», – подсказал Красавин.

– Да! «Двоевка». И аэродрома «Двоевка», – продолжил свою мысль Сталин. – Думаю, нужно после совещания в 12 часов слетать тебе в эту Двоевку и на месте определиться, что там надо сделать.

– Есть! Товарищ Сталин, – ответил до сих пор молчавший Лаврентий Павлович.

– А сейчас поедem в Кремль. В 12 часов я собираю совещание, на котором мы начнем продумывать и принимать меры, чтобы избежать сценария ваших книг. На совещание я вас не приглашу – думаю, пока рано всем знать о вас. Лаврентий! – он повернулся к Берии. – Вопрос соблюдения секретности – это твой вопрос. И еще – танк переправь в Кубинку – пусть там

специалисты его подробно рассмотрят. А вот после совещания я вас познакомлю с Жуковым. И вы вместе подумаете над своим «сюрпризом».

После этих слов Сталин сел в свою машину.

Красавин и Оганян направились было к машине Жигарева, но их всех окликнул Берия:

– Одну минуту! Товарищ Жигарев! Я пришлю сюда подразделение НКВД для охраны самолета и оперативников – они возьмут подписку о неразглашении у всех сотрудников аэродрома. Передайте это своим людям. И пусть найдут чехол какой-нибудь или брезент – танк накрыть.

Жигарев кивнул в ответ, и тотчас его порученец заспешил к зданию аэродромной комендатуры.

– Давайте, наконец, познакомимся, – обратился к Красавину и Оганяну Берия. – Меня зовут Лаврентий Павлович Берия. В данный момент я – нарком внутренних дел и заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР. Только что, как вы слышали – назначен так же вашим куратором. Вы, я так понял, в Вязьме не контактировали с местными органами НКВД?

– Нет. Не успели, – ответил Красавин.

– Хорошо, я дам команду – они сами придут к вам на аэродром. А вечером, надеюсь, я сам там буду. Нужно решить вопрос с охраной и обороной вашей базы. Дивизии НКВД должно хватить на организацию режима.

– Когда улетали – я отдал приказ на организацию охраны аэродрома и городка силами парашютно-десантного батальона, – сказал Оганян, – но лучше, конечно, чтобы этим занимались профессионалы. Мои солдаты и офицеры имеют противоположную специализацию.

– А давайте не будем откладывать разговор на вечер. Садитесь ко мне в машину и хотя бы вчерне по дороге обсудим вопросы, связанные с обеспечением вашей техники боеприпасами и ГСМ, – сказал Берия, делая приглашающий жест в сторону своей машины.

Тут же Берия позвал начальника своей охраны и что-то сказал ему. Тот ответил «есть!» и направился к машине сопровождения. Один из сотрудников охраны получил от него указания и пошел к тягачу трейлера.

Берия и Оганян сели на заднее место, Красавин сел на место начальника охраны. Кителя они с генералом снова сняли, накинув летные куртки.

– Итак! Что нужно вам – давайте посмотрим по степени сложности от простого, – задал вопрос Берия Красавину и Оганяну, когда они устроились на местах и машины тронулись.

Красавин сидел вполоборота на переднем сиденье, чтобы видеть собеседников.

– Давайте начнем с авиации, – предложил он.

– Слушаю, – ответил Берия.

– Нужен керосин ТС-1, это для боевых самолетов, транспортников и вертолетов. Не знаю, производится он сейчас или нет. Если воевать экономно и полностью исключить доучивание курсантов, то наших запасов хватит дней на тридцать войны. А дальше наши самолеты станут экспонатами.

– Далее. Снаряды к пушкам – 23 мм и 37 мм, неуправляемые реактивные снаряды 80 мм. Мы уточнили у Павла Федоровича – несмотря на наличие таких калибров и сейчас, – они не подходят для наших пушек. Точно так же 23-мм снаряды нужны и для комплексов ПВО «Шилка». Патроны 12,7 мм для УТИ Ми Г-15, думаю, не проблема. Ракеты класса – «воздух-воздух» и «воздух-земля» – это самое сложное. Но заниматься ими нужно.

– Авиапокрышки. Запас у нас пока есть – в начале учебного года был завоз, исходя из плана учебного года, но конец-то учебного года у нас в сентябре. Так что – дно наших закроев уже видно.

– Далее, в связи с тем, что мы потеряли централизованное энергоснабжение, нужны передвижные электростанции. По минимуму – то есть нужды аэродрома мы обеспечиваем, но для полноценной работы ремонтных служб обеспечения требуется больше электроэнергии.

– В связи с развертыванием Центра в дивизию, нужно срочно увеличить количество авиатехников. С товарищем Жигаревым мы это обсуждали – обещал помочь. Но у нас есть встречное предложение – призвать некоторое количество местных жителей, подходящих по ВУСу или еще не имеющих военной специальности. У нас ведь почти все выпускники школы имеют десятиклассное образование. Мы сможем их обучить обслуживать самолеты.

– Да, еще! К вопросу об охране аэродрома. Павел Федорович обещал посадить к нам на аэродром истребительный полк ПВО Московской зоны. Мы, в принципе, и сами – с учетом Ми Г-23 и дивизиона ПВО «Оса», способны защитить аэродром, но думаю, этот полк не помешает. К тому же мы с ним договорились в этот полк перевести Покрышкина и Кожедуба. Ну и других знаменитых в будущем летчиков. Есть идея, если со снабжением дело наладится – обучить их воевать на реактивной технике.

Берия записывал в блокнот тезисы проблем не отрываясь, а тут при упоминании незнакомых ему фамилий вопросительно взглянул на Красавина.

– Это советские асы. Они на поршневых-то были лучшими – а если им дать реактивные Ми Ги... – разъяснил Красавин Берии значение этих фамилий. – Покрышкин меня учил летать.

Берия пометил их себе в блокнот.

– Ну, тогда прошу и моих героев записать – вступил в разговор Оганян. – Запишите, товарищ Берия: Маргелов Василий Филиппович – основатель воздушно-десантных войск СССР в том виде, в котором они сейчас существуют. То есть в будущем, – поправился генерал. – Он был командиром дивизии, которой я сейчас командую... командовал, – снова поправился Оганян. – И еще – Старчак. Сейчас он капитан, начальник парашютно-десантной службы ВВС ЗОВО. Один из лучших диверсантов этой войны. Он целый батальон диверсантов сформирует... Товарищ народный комиссар! – неожиданно официально обратился генерал-лейтенант Оганян к Берии. – А нельзя ли его вместе с батальоном нам передать на усиление? У нас людей немного, они будут нелишние. Да и идея одна появилась.

– Ну, а у меня, если говорить о том, что проще – всё. Остальное – это вопросы сложные и требуют времени. Однако подчеркну – самолет Ми Г-15 был сделан в 1947 году, сразу после войны, поэтому думаю, если заняться им плотно, то года через полтора-два можно будет его повторить. Это как перспектива, – сказал Красавин.

– Завидую летчикам, – заметил Оганян, – а я и не знаю, с чего начать. Ладно, пойдем проторенным путем.

1. Патроны. Нужны патроны 7,62 мм винтовочные, и побольше – у нас каждая бронемашина вооружена пулеметом этого калибра. Плюс снайперские винтовки. Ну, с этим, я думаю, проблем быть не должно.

А вот патроны 7,62 мм ´ 39, 5,45 мм ´ 39 – это проблема. У нас все оружие, кроме перечисленного ранее, включая ручные пулеметы – сделано под эти калибры.

Далее, как Владимир Васильевич указал, 12,7 мм – это для зенитных пулеметов танков нужны. 14,5 мм – они тоже уже существуют – это для БТРов.

2. Снаряды 76,2 мм – это для ПТ-76 разведбата – тоже есть.

3. 120-мм мины к минометам.

4. 122- и 152-мм снаряды к САУ.

5. 100-мм снаряды для танков Т-55А – они должны быть.

6. Теперь то, чего сейчас нет и сделать будет сложно – выстрелы к РПГ, выстрелы к пушкам «Гром», выстрелы 125 мм к танковым пушкам, ракеты к системам «Град», ракеты системы «земля – воздух» для ЗРК «Оса».

7. По ГСМ – дизельное топливо, бензин А-93, вместо него подойдет авиационный. Есть у нас такая прожорливая машина – «Урал».

Товарищ народный комиссар! Нужны конструкторы стрелкового оружия, артсистем, танков – мы все предоставим, чтобы быстрее все можно было пустить в серию. По танкам – в разведбате на вооружении стоит танк Т-55А, это модификация первого послевоенного танка Т-54. Можно позволить инженерам и конструкторам разобрать один из них и по факту сделать чертежи. Вот этот танк вполне по силам сделать если не завтра, то через год. А он с его броней и 100-мм пушкой равных здесь иметь не будет. И если у нас ничего не получится со 125-мм боеприпасами к нашим танкам, то они смогут их заменить. В общем, завтра все вам покажем живую.

16 июня 1941 года, 9.00. Городок Центра

После отлета начальника Центра Красавина и комдива Оганяна в Москву начальник штаба Рябцев и замполит Киян реально потеряли чувство времени. Навалилось сразу столько неотложных дел, которые как бы подразумевались, но никогда еще в их реальности не выполнялись. Весь личный состав Центра был поднят по тревоге. По договоренности между командирами частей и начальниками служб было решено не говорить всей правды, дабы не вызвать панику среди гражданского населения. В курс дела ввели только председателя сельсовета. Тут же было решено собрать сход населения Вязьма-Брянской и входящих в этот конгломерат селений. Сход решили назначить на 9 утра 17 июня на площади перед ДК «Сокол». Там решили и обнародовать ситуацию, в которой все они вдруг оказались. Естественно, все вопросы организации мероприятия взял на себя замполит Центра. Председатель сельсовета обязалась оповестить все население о сходе.

Начальник штаба был занят переводом Центра на штаты дивизии и подготовкой техники к боям. Сразу после совещания по приказу Оганяна была организована охрана аэродрома, станции и городка. Весь технический состав в срочном порядке готовил 50 самолетов, отобранных для полка, убывающего на фронт. Часть курсантского состава, получив краску и пульверизаторы, занималась нанесением камуфляжа на самолеты. Никакого научного подхода, естественно, не было – красили, как понимали, но среди курсантов сразу выделились те, кто понял суть задачи, и их раскраска, по утверждению комэсков, летавших на таких самолетах, получила одобрение с их стороны и автоматическое назначение старшими групп «художников». Остальные, под началом выделенных десантниками старших, оборудовали окопы и перекрытые щели вдоль стоянок. В самом здании штаба царил бедлам – начальник штаба забрал весь свой штаб как основу дивизионного штаба, а командирам эскадрилий – теперь уже командирам полков, нужно было изворачиваться, подыскивая людей на вакантные должности. Причем летчиков брать на штабные должности Рябцев запретил категорически. Подняли всех отставников и пенсионеров, но все равно людей катастрофически не хватало. Поэтому, собравшись накоротке, Рябцев и свежеиспеченные командиры полков решили так: главное укомплектовать полк, убывающий на фронт, – тем более что в его состав вошли 45 летчиков из шестидесяти. В данном случае полк получился сборным, но выбирать было не из чего – курсанты еще не закончили обучение, да и программа, рассчитанная на 50 летных часов, не делала из них воздушных бойцов. Поэтому решили подождать и посмотреть, кого еще можно будет привлечь по мобилизации из местного населения в качестве штабных работников. Тут, кстати, к ним подошел зам по летной подготовке полка ПВО и высказал предложение, ввиду того что их самолеты весьма ценны – ракет надолго не хватит, а использовать их как пушечные – себе дороже выйдет, то летчики 401-го полка просят учитывать и их в качестве резервных пилотов Ми Г-17 – они все обучались на этих самолетах и смогут быстро восстановить навыки.

Под вечер пехота привела в штаб со станции двух милиционеров железнодорожной милиции в форме и двух железнодорожников со станции Вязьма. Станцию под охрану взяла комендантская рота мотострелков, но на всякий случай разведроты полка выставила скрытые посты.

Аэродром и городок взяли под охрану десантники. Вот один из этих постов на станции и отличился. Задержанные прибыли на мотодрезине, обеспокоенные отсутствием движения со стороны Вязьма-Брянской и слухами о странностях, происходящих на этой станции. Слухами поделились работники станции Вязьма, жившие в близлежащих деревнях на юго-западе от Вязьмы.

На въезде на станцию дрезина неожиданно подпрыгнула и сошла с рельсов. При осмотре пути было установлено, что рельсы, по которым пришла дрезина, не совпадают по высоте с рельсами на станции. Станционные рельсы были гораздо массивней и выше. По мнению одного из железнодорожников, они предназначались для гораздо более тяжелых поездов, нежели обычные для этих мест. Рядом со входными стрелками, вместо привычного семафора, стоял действующий светофор, горящий красным сигналом. Неизвестно кем установленный, потому как таких не имелось и на станции Вязьма. Дрезину оставили и пошли на станцию пешком, благо она находилась недалеко от входных стрелок. По пути железнодорожники отметили отсутствие ручных стрелочных переводов, что было весьма странно. На станционных путях стояли поезда, причем хвостовые платформы и вагоны были также незнакомой конструкции – это они увидели издали, но подойти ближе у них не получилось. Сначала их окликнул часовой у хвостовых вагонов. Он был в пилотке, со странным коротким карабином в руках и в странной форме с погонами. Это они разглядели сразу, и если железнодорожники смотрели на это все просто с интересом – мало ли чего военные удумают, то милиционеры дружно потянулись к кобурам. Но их руки были ловко перехвачены, взяты на боковую, а кобуры сразу же опустели. После того как их избавили от оружия, руки отпустили, и они, повернувшись, увидели напавших. Перед ними стояли трое военных в масках и пилотках. В руках у них были такие же короткие карабины. Правда, они не были направлены на задержанных.

– Лейтенант Зюзин. Разведрота 134-го Гвардейского мотострелкового Ленинградского полка. Вы находитесь на охраняемой территории. Прошу вас предъявить ваши документы.

Железнодорожники сразу же протянули свои документы. Милиционеры это сделали после некоторых колебаний. Их сильно напрягали погоны часового и незнакомая форма. Но название «Ленинградского» в этой связке слов и звездочки на пилотках выглядели вроде бы естественными. Вот только насчет «гвардии» они ничего не слышали.

Посмотрев документы и отметив про себя, что он ни фига в них не понимает – кроме как прочесть должности и ФИО, но форму бюлети было нужно, лейтенант вернул документы и сказал: «Сейчас вызовем машину – вас отвезут в штаб. Там все вам объяснят. Револьверы я отдам сопровождающим». После этого один из двух его подчиненных доложил кому-то по радиостанции о случившемся. Чуть позже прибыл караул во главе с лейтенантом. То, что он лейтенант – помощник начальника караула, они узнали, когда он им представился. Одет он был опять же странно. Высокая фуражка с круглым козырьком защитного цвета с круглой кокардой тоже защитного цвета. Задержанные про себя отметили кокарду как белогвардейскую – защитного цвета полушерстяное обмундирование с портупеей и кобурой, с пистолетом, размером меньшим, нежели ТТ (это отметили про себя милиционеры), и в отличных командирских хромовых сапогах. Милиционеры переглянулись, и во взглядах их читалась тоска. Им было все понятно – белогвардейский десант. В это предположение не укладывалось только отношение к ним (их даже не связали) и странное название полка. Лейтенант предложил пройти к пристанционной площади, куда должна была подойти машина. Когда шли по станции, милиционеры отметили мощную технику на платформах, а также то, что несколько платформ отогнаны в тупик, и сейчас там строится нечто напоминающее рампу, по-видимому, для снятия больших шестиколесных машин, со странным оборудованием сверху. А железнодорожники отметили другое – все вагоны и платформы были четырехосные, на вагонах была обозначена масса перевозимого груза – 60 тонн. Но сильнее всего их впечатлили локомотивы – это были гигантские двух – и трехсекционные тепловозы (так определил работник локомотивного депо). Проходя

мимо такого тепловоза, этот железнодорожник спросил машиниста, который, высунувшись в боковое окно, смотрел на них:

– На Смоленск, какой вес берешь?

Машинист улыбнулся и показал открытую пятерню.

– Пятьсот? – удивился железнодорожник.

– Пять тысяч! – оскорбился машинист.

Работник депо заскреб пятерней по затылку, удивленно крутя головой.

– Пять тысяч тонн!!! – Это когда мы водим на этом маршруте поезда весом пятьсот тонн. Вот почему там такие рельсы! Но откуда это всё?!

Около вокзала стояла опять же странная машина защитного цвета. Она была вся как бы квадратная, без выступающего капота. Возле нее стояли два солдата тоже с такими же карабинами и тоже в маскхалатах, но на головах у них были странные береты голубого цвета. Лейтенант поздоровался с ними и отдал им револьверы милиционеров. Солдаты также поздоровались и с задержанными и открыли дверь внутрь машины. Один из них сел рядом с водителем, а другой вместе со всеми в салон. Ехали буквально пять минут. Там тоже все было странно – люди, дома, машины. Их привели в кабинет – как он им представился, начальника штаба Центра подполковника Рябцева. Чувствовалось, что он крайне устал и задерган, телефон на его столе звонил почти беспрестанно, поэтому он извинился и коротко посвятил их в ситуацию. Когда стало понятно, что задержанные отошли от шока и вполне прониклись обстановкой, он приказал десанникам отдать револьверы милиционерам, попросил довести то, что здесь происходит, до своего руководства, посетовав, что отсутствует связь с городом. Сказал также, что их командир сейчас в Москве, встречается с руководством СССР, и в ближайшее время относительно них будут распоряжения. Тут же обратился к железнодорожникам, пояснив, что ничего не понимает в их отрасли, но буквально завтра-послезавтра эшелоны, которые они видели на станции, нужно будет отправить на запад. Поэтому им нужно сообщить об этом руководству станции Вязьма и сделать для этого все необходимое. Один из железнодорожников оказался связистом – его отправили выяснить, почему пропала телефонная связь со станцией Вязьма-Брянская. Решено было оказать ему помощь силами подразделения связи Центра, и связь, по крайней мере на железной дороге, восстановить.

А уже утром, часов в семь, прибыли гости из Вязьмы. Две «эмки» и полуторка с милиционерами райотдела. Остановили их десантники поста на дороге на въезде в деревню Бобово. В те годы дорога на Вязьма-Брянскую проходила там. Колонна из трех машин остановилась в сотне метров от перегораживающей им путь БМД. Из обеих легковушек вышли три человека в форме милиции того времени. Бойцы из полуторки спешили, но остались на месте. Из-за БМД вышел старший поста. Когда они подошли, он, козырнув, представился:

– 743-й отдельный учебный парашютно-десантный батальон. Старший поста прапорщик Черных. – И замолчал, выжидательно глядя на подошедших. Те, в свою очередь, представились, тоже ответив на приветствие и внимательно рассматривая старшего прапорщика:

– Капитан милиции Иванов. Начальник Вяземского районного отдела милиции.

– Капитан милиции Трофимов. Начальник линейного отдела милиции станции Вязьма.

– Капитан госбезопасности Филиппов.

– Нам необходимо встретиться с вашим командованием.

– Сейчас доложу дежурному, – ответил старший прапорщик и, не поворачивая головы, крикнул: – Онищенко! Доложи в штаб – приехали товарищи из НКВД, им нужно к подполковнику Рябцеву.

– Есть! – откликнулся невидимый Онищенко из-под брони и через секунды начал вызывать штаб.

Через минуту Онищенко, высунувшись из люка, доложил:

– Товарищ прапорщик! Передали – через двадцать минут будет машина.

– Ну, вы слышали – придется подождать, – обратился он к милиционерам.

– Хорошо. Подождем, – ответил начальник районной милиции, доставая пачку «Казбека» и протягивая ее старшему прапорщику и коллегам. Те взяли папиросы, но старший прапорщик полез в карман и достал пачку «Явы» московской фабрики – это был дефицит и в его время, а милиционеры таких сигарет не видели вообще. Папиросы были отложены в сторону, и милиционеры закурили сигареты, пробуя их на вкус. Филиппов попросил посмотреть пачку – старший прапорщик протянул ее ему.

– «Ява». Табачная фабрика «Ява». Москва. ГОСТ 3935 -79. Цена 30 копеек, – прочел он на пачке.

Название фабрики он слышал, но таких сигарет не видел никогда. Эта пачка, прапорщик и форма на нем, танк на дороге – все это походило на театр абсурда, но он был готов к этому.

Все началось еще вчера утром. Сначала доклад участкового о непонятном автомобиле желтого цвета, уехавшего в южную сторону. Потом пролет непонятного летательного аппарата над городом. Причем это был не просто пролет – он как бы разглядывал город с высоты и улетел в сторону Вязьма-Брянской, и звонок из ЛОВД. Прибывшие вчера вечером с Вязьма-Брянской два сотрудника линейного отдела такого наговорили своему начальнику, что тот, решив, что, во-первых, ему одному в этом не разобраться, и во-вторых, события на станции вышли за ее пределы, попросил срочно приехать к нему начальника райотдела. Они снова, теперь уже вдвоем, выслушали рассказ милиционеров. Естественно, ни в какой «перенос» они не повели, и первое желание было поднять по тревоге оба отдела и нагрянуть прямо сейчас, ночью – на Вязьма-Брянскую и самим на месте посмотреть, что там к чему. Ну а в том, что задержанные все расскажут, они не сомневались. Однако оба милиционера в один голос заявили о том, что на Вязьма-Брянской не группа «десантников-белогвардейцев», а мощное соединение с танками, пушками и так далее, против которых с винтовками не навоюешь. Предложение попытаться ночью проникнуть туда «по-тихому» тоже было отвергнуто. Впечатлили рассказ о том, как обезоружили милиционеров ЛОВД, и слова лейтенанта, что такой скрытый пост не один. К тому же ночью не разобрать, где свои, а где чужие. Была мысль сообщить о происхождении наверх, но побоялись это делать – фактов почти не было, а рассказ тех, кто там был, выглядел фантастикой или бредом сумасшедшего. Было еще предложение – обратиться за помощью к командиру 108-й стрелковой дивизии, штаб и отдельные части которой были расквартированы в Вязьме, но они сомневались, что генерал-майор Мавричев Александр Иванович им поверит – скорей всего, посоветует отправить запрос по инстанции. К тому же дивизия свертывалась и начинала передислокацию куда-то на запад. И как раз в это время начальнику линейного отдела доложили, что железнодорожники восстановили связь с Вязьма-Брянская, и сейчас идут активные переговоры по восстановлению движения. На станции Вязьма-Брянская дежурные рылись в своих инструкциях, пытаясь приспособиться к требованиям техники 1940-х годов. По договоренности двух станций утром 16 июня туда должен был отправиться ремонтно-восстановительный поезд.

В общем, к утру решили – раз «белогвардейцы», то это по линии госбезопасности, и позвонили Филиппову рано утром. И уже втроем, все обсудив и решив, раз «белогвардейцы» – они пока их так решили называть – никого не расстреляли, нужно ехать самим и постараться разобраться в ситуации, а уж потом доложить. Ну, а чтоб не так страшно было – решили взять пятнадцать милиционеров, вооруженных винтовками и одним ручным пулеметом.

Все было тут странно. И этот старший прапорщик в непонятном голубом берете и со звездой на кокарде, и то, что рассказывали милиционеры ЛОВД – задерживали их бойцы в пилотках со звездочками, а вот помначкара – был почти настоящий «белогвардеец», но эти – со звездочками – этому совсем не удивились, и их старший поздоровался с ним за руку. И танк, перегородивший дорогу, тоже был странен, но это хоть как-то можно было объяснить – мало

ли чего сейчас не делают в наркомате обороны? Но вопросов все равно было слишком много, и начальники НКВД, куря и посматривая по сторонам, надеялись сегодня получить ответы.

Через двадцать минут подъехала легковая машина-вездеход, из нее вышел во френче странного покроя, но без нагрудных карманов, офицер в погонах с двумя голубыми просветами и двумя звездочками. Старший прапорщик, бросив окурков, поправил берет и, сделав несколько шагов навстречу, доложил. Офицер козырнул ему в ответ и поздоровался с ним за руку. Подойдя к ним, представился, приложив руку к козырьку:

– Заместитель начальника Центра по политической части – подполковник Киян.

Те ответили на приветствие, также представившись.

– Товарищ старший прапорщик! Пропустите машины товарищей из НКВД. – И, обернувшись к ним, продолжил: – Надеюсь, в течение двух ближайших часов вы сможете получить ответы на все мучающие вас вопросы. – И улыбнулся.

– На своих поедете или со мной на «уазике»? – спросил он милиционеров. Те заколебались, а потом, переглянувшись, согласились. Идя к машине, начальник райотдела остановился и махнул рукой водителям «эмок» и милиционерам, стоявшим у полуторки. Милиционеры полезли в кузов, а «эмки» завелись и поехали к деревне. Рыкнул, выкинув клуб сизого дыма, дизель танка, и он, лязгнув траками, отодвинулся с дороги.

– Вы завтракали? Хотя что я спрашиваю – по вашим лицам видно, что вы всю ночь ломали голову над задачей, – посмеиваясь, спросил замполит, когда все уселись, и «уазик» бодро запрыгал в сторону Вязьма-Брянской.

– Сейчас сразу посетим столовую. Я тоже еще не завтракал. Да и спать почти не пришлось – столько вопросов, столько проблем. На 9 часов утра у нас назначен сход жителей поселка – там все и посмотрите. Ну, а пока могу вкратце пояснить, что к чему и почему. Начну вот с этого, – и он протянул им красную книжицу. На обложке они прочли «КПСС» – из содержания внутри они поняли, что Киян является членом КПСС с 1964 года. Что такое «КПСС» они поняли не совсем, хотя там и была расшифровка «Коммунистическая партия Советского Союза», о такой партии они не слышали, но вот год вступления... Они непонимающе переглянулись и вопросительно посмотрели на сидящего вполоборота Кияна.

– Понимаете, тут такое дело... – начал он.

Через два часа ошалевшие от услышанного и увиденного, заботливо накормленные в столовой (причем очень вкусно, как они отметили автоматически), они стояли на своеобразном балконе дома культуры «Сокол», накрывающем крыльцо, в толпе окружавших их офицеров летчиков, пехотинцев, артиллеристов, зенитчиков, десантников. Со всеми ними их познакомил Киян. Это были командиры частей, составляющих в этот момент гарнизон поселка. А перед ними стояло несколько тысяч людей всех возрастов обоего пола. Подполковник Рябцев на сход отпустил весь личный состав Центра – летчики и техники с семьями стояли вместе со всеми жителями поселка.

Начальники отделов с интересом смотрели на гражданских людей, отмечая про себя отсутствие головных уборов у большинства мужчин и женщин, голые коленки девиц (как им подсказали, они были в мини-юбках), лохматых парней, и вообще эти люди выглядели непривычно, но одеты были неплохо, особенно женщины. Причем народ расположился почти по возрасту – впереди стояло старшее поколение, потом среднее с малыми детьми и уже, так сказать, на галерке расположилась молодежь. Немного в стороны стояли солдаты и офицеры частей.

– Товарищи! – загремел в динамиках голос замполита. – Мы собрали вас всех здесь, чтобы сообщить о том, что произошло за последние сутки, и о том, что произойдет в дальнейшем.

Люди притихли. То, что происходит что-то чрезвычайное – догадывались многие. Уже сутки не было электричества в домах, не работали городские телефоны, не ходили автобусы и дизель-поезда. Сегодня многие из них должны были ехать утром на работу в город, но не

поехали, оповещенные председателем сельсовета и его словами о том, что утром автобуса все равно не будет. На станции стояло несколько эшелонов с солдатами и техникой, вчера выходной день все сотрудники Центра провели на службе. Слухи ходили самые невероятные, но люди боялись одного – войны.

И вот сейчас они должны были услышать правду.

– Прошу вас поверить мне и всем, кто стоит рядом со мной. Мы, прежде чем выйти к вам, сделали все, чтобы разобраться в ситуации, которая сложилась в районе нашего поселка. – Замполит сделал паузу. Стояла тишина, нарушаемая только легким июньским ветерком и шумящими листвой березами. – Я, да и никто из нас не может объяснить, как это произошло, но наш поселок, аэродром, станция переместились во времени.

После этой фразы представители официальных властей 1941 года почувствовали на себе взгляды тысяч людей. Если раньше их воспринимали на трибуне кем угодно, но не настоящими, то сейчас в глазах многих мелькало понимание, кто они и откуда.

– Мы переместились в 1941 год, – выдохнул замполит.

Толпа ахнула и снова замерла.

– День какой? Какой день? – раздались голоса.

– Сегодня 16 июня 1941 года.

Толпа ахнула повторно, и тут же заплакали старухи и женщины, глядя на них, заплакали дети. Мужики как один потемнели лицами и опустили глаза. И только «галерка» разразилась радостными криками «Гитлер капут!».

Работники НКВД не понимали, что происходит. Что у этих людей связано с этой датой? Они ожидали какой угодно реакции на сообщение – сами только два часа были на месте этих людей, но никак не того, что увидели. Женщины плакали в голос, многие подняли детей и прижимали их к себе, другие повисли на мужьях, и эта истерия только нарастала. И тут духовой оркестр из пацанов-школьников под руководством совершенно лысого человека в очках, стоявший левее их, грянул мелодию. С первых аккордов милиционеров пробрали мурашки по коже. ЭТО БЫЛА МУЗЫКА! Оркестр просто играл, слов не было, но они и не нужны были – мелодия сама говорила за себя. Она была страшна в своей силе, ненависти и мощи.

– Что это? – спросил начальник ЛОВД ближайшего офицера.

– «Священная война», – ответил тот.

Он никогда не слышал этой музыки, никогда не слышал ее названия, но она сама по себе была мощнейшим психологическим оружием.

Когда прозвучал последний аккорд – уже никто не плакал, изредка некоторые старушки утирали слезы. Но как изменились люди за эти минуты! Теперь на всех, кто был на трибуне, а каждому из них казалось, что все смотрят на него, смотрели сухие жесткие глаза, в которых читалась боль, но это были глаза людей, способных убивать и готовых умирать. С «галерки» прокричали: «Даешь Берлин!»

– Мы все с вами знаем, что произойдет через неделю. Некоторым из вас придется пройти через это второй раз. И также мы все с вами знаем, чем это закончится. Но даже зная это – нам все равно придется это пройти. Так будем же достойны тех, кто уже смог это сделать. Все свои знания, все свои силы, весь свой опыт, всю мощь нашей техники приложим к тому, чтобы день Победы наступил раньше! Чтобы не повторилась трагедия деревни Песочня! Всем военнообязанным через час прибыть в сельсовет с документами. Все вы будете призваны в части, расположенные сегодня в нашем поселке. Техническому составу Центра – прибыть на аэродром, обмундирование, документы вам будут выдаваться в ТЭЧи. Кроме того, в связи с преобразованием, согласно планам военного времени, Центра в авиадивизию, в составе трех полков появились вакансии в штабах, столовой, среди технического состава. В том числе женские. Приказывать женщинам мы не можем, но на службу желающих примем. И помните! Враг будет разбит! Победа будет за нами!

После этих слов оркестр заиграл снова. Все вытянулись, военные приняли положение «смирно», стоявшие вне строя военнослужащие приложили руки к головным уборам. Сидевшие на импровизированных лавочках жители встали. На этот раз музыка показалась знакомой. Но начальник ЛОВД решил на всякий случай переспросить:

– А это что? – снова спросил того же офицера Трофимов.

– Гимн Советского Союза, – ответил тот.

Гимном в его время был «Интернационал».

После исполнения гимна народ начал расходиться, и оркестр заиграл «Прощание славянки».

Все три начальника отделов обступили замполита и потребовали объяснить, о чем сейчас говорили и почему так странно люди реагировали на дату.

– 22 июня начнется война, – просто ответил замполит, тяжело вздохнув.

Когда шок от услышанного прошел, начальник ЛОВД задал еще один вопрос:

– А что там вы про Песочню говорили? Это не та деревня Песочня, что стоит возле полотна дороги Вязьма – Угра? Я знаю эту деревню.

– Она самая. В ночь с 11 на 12 марта 1943 года, перед отступлением, гитлеровцы сожгли в Песочне 135 человек, преимущественно женщин и детей.

Пока они втроем переваривали информацию, замполит воспользовался моментом и, пробормотав: «Вы меня извините – дел непростор. Вон подошли ваши коллеги, познакомьтесь, а мне нужно призыв организовывать», – торопливо пошел к штабу. После этих слов к трем представителям местной власти подошли два майора и капитан с портфелем в руке, одетые, как и все, в полевую форму – они теперь знали, что это такое, и по очереди представились:

– Майор Воронов!

– Майор Евдокимов!

– Капитан Седых!

– Офицеры Особого отдела дивизии, закрепленные за мотострелковым, артиллерийским и зенитно-ракетным полками, – подвел итог майор Воронов.

Начальники отделов также представились в свою очередь. Майор Воронов задал прямой и недвусмысленный вопрос:

– Как вы насчет предложения... – при этом капитан немного встряхнул портфель, и в нем что-то тихонько звякнуло, – познакомиться ближе и скрепить боевое братство?

Начальники переглянулись, и за всех ответил капитан госбезопасности:

– Нам бы только сначала позвонить.

Вечером милиционеры, находящиеся в здании и на территории райотдела, очень удивились, когда во двор въехала непонятная машина, похожая на буханку на колесах, с крестами на бортах, из которой неслась песня о трех танкистах. И они вообще впали в столбняк, когда из машины вывалились начальник ЛОВД, госбезопасности и их непосредственный и три «белогвардейца». Причем один из «белогвардейцев» и их начальник, пошатываясь, поддерживая друг друга и о чем-то оживленно говоря, направились к зданию милиции, а остальные дружной толпой пошли к удобствам во дворе. Проводив их начальника до крыльца и тепло с ним попрощавшись со взаимными объятиями и похлопываниями по спине, «белогвардеец» вернулся к машине, где кипел спор, точку в котором он и поставил, громко сказав: «Теперь наша очередь!» И все, согласившись, дружно полезли в машину. Машина завелась, развернулась, и из открытых ее окошек до милиционеров донеслись слова незнакомой им песни: «Прощай! От всех вокзалов поезда уходят в дальние края...»

16 июня 1941 года, 12.00. Кремль

В 12 часов началось экстренное совещание у Сталина. На совещании присутствовали Молотов, Ворошилов, Буденный, Шапошников, Тимошенко, Жуков, Мерецков, командующий Флота СССР Кузнецов, Жигарев, Берия, Каганович, начальник Разведуправления генерал

Голиков. Отсутствовал генерал армии Апанасенко, который летел с Дальнего Востока. Когда все расположились, Сталин поздоровался со всеми, встал и подошел к стене, на которой висело нечто спрятанное шторками. Он отдернул шторы, и все увидели на стене схему военной операции. Так все решили, потому что там были изображены синие и красные стрелы и стрелки. Сталин еще раз внимательно посмотрел на схему, отошел к столу и неожиданно задал вопрос:

– Товарищ Жуков, что, по-вашему, изображено на плане?

– Очень похоже на операции, которые мы отрабатывали на командно-штабных играх, – ответил тот.

– И какой тут результат предвидится?

– Ну, судя по диспозиции – красные в центре будут разгромлены. На левом и правом флангах есть шансы устоять.

– Вы, помнится, тогда в последней играли за синих. Что, на ваш взгляд, нужно сделать красным, чтобы избежать разгрома?

– В центре нужно изменить дислокацию соединений – отвести войска из выступа, подтянуть резервы из глубины, создать мощный ударный кулак для контрудара. Это общие мероприятия, над планом нужно работать, исходя из сил и возможностей сторон.

– Но это потребует времени?

– Безусловно.

– Хорошо. – И Сталин, подойдя к схеме, сорвал ее.

Под ней оказалась карта Советского Союза, точнее его западных рубежей с нанесенными точно такими же стрелами. Теперь все увидели, что синие стрелы направлены на Ригу, Псков, Минск, Киев.

– Подойдите к карте, посмотрите внимательно, – продолжил Сталин.

Жуков подошел к карте и тут понял, что на ней нанесена объективная обстановка в западных округах. Объективная – в части дислокации соединений РККА в приграничных западных округах.

– Посмотрите внимательно на дату атаки наших рубежей. Какое там стоит число?

Жуков посмотрел на район Бреста.

– 22 июня 1941 года, – произнес он, не понимая еще, что он говорит.

– А замыкание окружения и взятие Минска?

– 28 июня 1941 года.

За столом послышались недоверчивые возгласы. Общий для всех вопрос задал Молотов:

– Товарищ Сталин, откуда эти сведения? Можно ли им верить? Еще два дня назад мы выступали с заявлением ТАСС об отсутствии причин для войны между Германией и нами. И сегодня эта карта...

Сталин ответил не сразу, пройдясь вдоль стола, он остановился и посмотрел на Молотова.

– К сожалению, вероятность этого сценария очень высока. Я бы сказал – она значительно превышает девяносто процентов. Еще позавчера я бы сам не поверил в это. Но приходится признать – я ошибался в своих прогнозах относительно Гитлера и наших отношений с Германией. Он действительно либо гений, либо дурак. Потому что начинать с нами войну в нынешних геополитических условиях может только кто-то из них. Гений потому, что он знает о нашем знании неготовности Германии для войны против СССР, и именно на этом он нас подловил. Или дурак, который даже не задумывается над этим вопросом. Гений – если войну выиграет. Но я точно знаю – он войну проиграет. Потому – дурак. А заявление... Мало ли каких заявлений не печатается в газетах. Мы искренне надеялись на лучшее, но – увы!

– Товарищ Голиков, – обратился Сталин к начальнику Разведуправления Красной Армии, – а вы что скажете по поводу этой карты?

Голиков поднялся с места.

– Разрешите, товарищ Сталин, подойти к карте?

Сталин в знак согласия неторопливо махнул рукой с зажатой в ней трубкой в направлении карты. Голиков подошел к ней и внимательно стал вчитываться в обозначения немецких войск. Продолжалось это минуты две, в течение которых в кабинете стояла напряженная тишина. Начальник разведки РККА оторвал взгляд от карты и, повернувшись к Сталину, доложил:

– Пехотные дивизии и корпуса – их расположение и нумерация в основном соответствует тем сведениям, которыми располагаю я. Однако у меня нет информации о наличии в приграничье немецких моторизованных корпусов. Точнее, танков этих корпусов. Но артиллерия этих корпусов уже находится приблизительно в районах, указанных на этой карте. Точнее я могу сказать, подготовив справку.

Голиков бросил короткий взгляд на Берия. Тот сидел с непроницаемым лицом, как обычно, спрятав глаза за блестящими стеклами пенсне. «Он добыл для Хозяина эту информацию? Или дипломаты? Одно точно известно – это не Разведупр. Кто-то отличился. Или наоборот – попался на дезинформацию. В таком случае ему не позавидуешь – Иосиф такое не прощает. Тогда даже лучше, что я в стороне. Неизвестно еще, чем это все закончится».

– Танки могут быть переброшены из глубины бывшей Польши в последний момент, – пыхнув трубкой, ответил ему Сталин и, указав трубкой Голикову на его место за столом, снова повернулся к Жукову.

– Так вот, товарищ Жуков, Вы можете подсчитать, каким временем мы располагаем, чтобы этот план не сработал. Так что нам нужно сделать для этого?

Жуков во время этой паузы мыслями был далеко. В голове его стучала мысль, на которую давил ужас понимания неизбежности: «Не успели!!! Войска не развернуты, их даже просто мало, чтобы остановить вермахт. И за пять дней ситуацию не изменить».

Поэтому, услышав вопрос, собрался докладывать пожарные мероприятия, но Сталин остановил его:

– Не торопитесь, товарищ Жуков. Если вы сейчас мне перечислите рецепты победы – мы вам не поверим. Немцы – нация серьезная. Воевать умеют. Вся Европа об этом уже знает. Поэтому сядьте, подумайте и после совещания мы узким кругом вместе обсудим, что мы можем успеть за эти пять дней. Теперь остальным. Ну, товарищ Жигарев свои «ужасы» уже знает. Остается только товарищ Кузнецов. Сообщаю товарищу Кузнецову, что в ночь с 21 на 22 июня из финских портов немецкими минными заградителями будет минироваться Финский залив, а финскими подводными лодками – проливы у Эстонского побережья. Вот вам выписки – почитайте. И я жду предложений от вас.

– Теперь вернемся к главному. Есть мнение, что нынешние командующие нашими особыми округами неплохо смотрелись в мирное время, но не так браво будут выглядеть с утра 22 июня. Поэтому я думаю, будет правильным оказать товарищам помощь. Мы посоветовались с товарищами, – и Сталин посмотрел на Шапошникова, Ворошилова и Буденного, – и решили укрепить наши западные округа. Товарищ Мерецков!

– Я! – поднялся маршал Мерецков.

– Вы уже воевали в Карелии, неплохо знаете этот ТВД – вам и карты в руки. Поможете товарищу Попову.

– Есть!

– Товарищу Кузнецову в Прибалтийском округе будет помогать опаздывающий товарищ Апанасенко. Товарищ Жуков!

– Я!

– Вам сегодня передать дела товарищу Шапошникову и ехать туда, где вы так неплохо воевали на картах. Но ввиду того, что вам придется труднее всех – задержитесь после совещания – постараемся вам помочь.

– Есть!

– Товарищ Шапошников – примите Генеральный Штаб.

– Есть, товарищ Сталин!

– Товарищ Тимошенко поедет защищать свою малую родину.

– Слушаюсь!

– А вот в славном городе Одессе есть предложение дать возможность проявить себя товарищу Захарову. Товарищ Тюленев поедет в Закавказье. Возражения имеются против этой кандидатуры? Нет? Значит, решено. Семен Михайлович поедет «отдыхать» в Крым. Он уже брал Крым однажды, теперь пусть подготовит его к обороне, на всякий случай, если предыдущие командующие не справятся с задачами. Товарищ Ворошилов прикроет нам спину от самураев – примите Дальневосточный округ. Условие для всех – по прибытии в округа начинаете работать, но старайтесь себя не афишировать. Все приказы должны выходить за подписями нынешних командующих. Официально ничего не меняется. Вы станете командующими фронтами только с началом боевых действий. Далее. Товарищ Молотов уже сказал – заявление ТАСС мы опубликовали, поэтому все перемещения войск только ночью и с соблюдением всех мер маскировки. Товарищ Жигарев! Ни один немецкий самолет с завтрашнего числа не должен летать над нашей территорией. Пусть жалуются. Товарищ Шапошников, с завтрашнего числа Генеральный Штаб должен объявить сборы для всех военнообязанных. Возраста назначьте сами. Сборы провести на территории Московского военного округа и других внутренних округов. Под этот приказ поднять ВЕСЬ призывной контингент на западе нашей страны. В других областях это можно изобразить, а этих нужно перемещать всеми видами транспорта, даже пешком, во внутренние округа. Разрешаю вывезти семьи военнослужащих из приграничья. Найдите предлог какой-нибудь. Не найдете – вывозите без предлога. Товарищ Каганович! Весь подвижный состав направить на переброску войск на запад и вывоз людских и материальных ресурсов оттуда. Этот вопрос лежит на вас. Товарищ Кузнецов! Сидите! Вам нужно будет приложить все силы, чтобы удержать острова в Балтийском море. Сегодня вам еще дадут материал, ознакомившись с которым, вам будет проще принимать решения. Каждому – это касается тех, кто едет в Особые округа – сейчас выдадут материалы о составе в целом немецких войск, направлении ударов и составе ударных группировок. Завтра утром вам нужно быть на местах. Вопросы имеются?

– Разрешите, товарищ Сталин? – поднялся Жигарев.

– Спрашивайте, товарищ Жигарев, – ответил Сталин, раскуривая трубку.

– Пользуясь моментом присутствия старого и нового начальников Генерального Штаба, прошу разрешения изменить порядок подчиненности авиации – вывести из подчинения командующих армиями и создать во фронте воздушную армию.

– Обоснуйте, – потребовал Жуков.

– Разделение авиации на армейскую и фронтовую заставляет распылять наши силы. Пользуясь воздушной армией как оперативным инструментом, командующий фронтом сможет концентрировать усилия на любом участке фронта, в зависимости от задач фронта и обстановки. А сейчас у нас – как у семи нянек...

Сталин внимательно посмотрел на Жигарева. Он еще не успел прочесть материалов относительно авиации, но понял, что Жигарев озвучил формулу, принятую позже и услышанную им от потомков.

Поэтому кивнул и сказал:

– Логично. Товарищ Жуков – есть возражения?

– Нет, товарищ Сталин. Я согласен с доводами начальника Штаба ВВС.

– Тогда это решение нужно отобразить в приказе. Я правильно вас понял, товарищ Жигарев?

– Так точно, товарищ Сталин!

– Товарищ Шапошников! Побеспокойтесь.

– Слушаюсь!

– Еще вопросы и предложения?

– У меня, товарищ Сталин! – поднялся Берия.

– Прошу разрешения пограничным заставам западных округов разрешить, там, где они соседствуют с УРами, занимать оборону по тревоге на позициях УРов. Там, где нет УРов – разрешить заставам не принимать бой и отходить вглубь территории. Если приказа такого не отдать, то личный состав, вооруженный стрелковым оружием, погибнет. Есть идея использовать пограничников с большей эффективностью – формировать из подразделений Пограничных войск диверсионные группы и отряды для действий в тылу противника. Они же будут костяком формирования партизанских отрядов и силовым обеспечением нашей агентуры.

– Принимается. Не забудьте обеспечение заранее подготовить. Еще вопросы есть?

– Есть! – отозвался Каганович. – Товарищ Сталин, мне непонятные сведения стали поступать из... – Каганович осекся, увидев предостерегающе поднятую руку Сталина.

– Оставайтесь, товарищ Каганович. Остаться товарищам Берии, Жукову, Шапошникову, Жигареву и Кагановичу. Остальные свободны. До свидания, товарищи!

Когда все вышли, Сталин обратился к Кагановичу:

– Слушаем вас!

– Звонили со станции Вязьма. Начальник станции Вязьма отказался говорить с кем бы то ни было, кроме меня. В общем, там что-то непонятное. Сорвано движение на маршрутах Вязьма – Калуга, Вязьма – Брянск. Говорят о каких-то сверхмощных тепловозах. В общем, я сначала подумал, что человек либо пьян, либо не в себе. Но с другой стороны – факт срыва графика был. Может, товарищ Берия что-то знает об этом? – Каганович выжидательно посмотрел на Берию.

Сталин спросил Берию:

– А что? Наши карающие органы не отзвонились еще?

– Примерно в десять часов поступил звонок от начальника РОВД, начальника ЛОВД и от начальника отдела госбезопасности. Такое впечатление, они там все были одновременно. Обращались напрямую в центральный аппарат, минуя областное управление. Требуют приезда представителя.

– Вот что, Лаврентий, лети сегодня-завтра туда – время дорогое. Возьми с собой Лазаря Моисеевича. Пусть на месте все посмотрит по своему хозяйству. А сейчас пригласи наших гостей.

Берия кивнул и вышел из кабинета. Через несколько минут он вошел в кабинет, сопровождая двух незнакомых людей, одетых в летные куртки.

– Вот познакомьтесь. Генерал-майор Оганян Иосиф Бакратович. Полковник Красавин Владимир Васильевич. Ну, присутствующих представлять не буду – наши гости вас всех знают. Снимите, товарищи офицеры, свою маскировку – покажите всем перспективу развития военной формы Красной Армии, – усмехнувшись в усы, произнес Сталин.

Жуков и Каганович смотрели на форму вошедших со смесью удивления и недоумения. Шапошников – с интересом. Он был готов к этой встрече, хотя о форме ничего и не слышал.

– Вот так, товарищи! Будущего нет без прошлого. Просто всему свое время, – все так же усмехаясь, пояснил Жукову и Кагановичу Сталин свое отношение к погонам. – Чтобы снять все вопросы, которые читаются в глазах товарищей Жукова и Кагановича – добавлю. Эти вот товарищи прибыли к нам из 1979 года. Так сказать, потомки. Всем об этом знать необязательно. И как настоящие дети – хотят помочь своим родителям в дни испытаний. Даже они вдвоем, просто вдвоем – уже оказывают неоценимую помощь своими знаниями. А они еще с собой прихватили библиотеку, которую сейчас специально отобранные сотрудники Генерального Штаба внимательно штудиируют. Вместе с нами. Именно от них мы знаем день и час нападения на нашу Родину немцев. И от них же мы знаем направления ударов и группировки немецких войск. Даже это, как вы все понимаете – уже немало.

Жуков при этих словах кивнул головой, и в его глазах мелькнуло нечто похожее на признательность.

– Но они пришли к нам не вдвоем. Перечислите, Иосиф Бакратович, чем вы сможете помочь товарищу Жукову.

– Докладываю. Мотострелковый полк, в составе трех мотострелковых батальонов на БМП-1 – это гусеничные бронемашины, способные перевозить отделение пехоты, вооруженные пушкой и пулеметом; танкового батальона в составе 31 танка Т-72 – равных им танков просто не существует. Для информации – они вооружены 125-мм стабилизированным орудием с автоматом заряжания. Темп стрельбы 8 выстрелов в минуту. Артиллерийского дивизиона в составе 12 САУ «Гвоздика»-122-мм и 12 прицепных 122-мм гаубиц Д-30. Изюминка в этом дивизионе – технические средства разведки – после второго залпа противника координаты его расположения уже известны нашим артиллеристам. От воздушного противника полк прикрыт зенитным дивизионом в составе счетверенных установок ЗСУ-23-4 «Шилка» с радиолокационным наведением на цель. Для них в небе тоже противников нет. Ну, кроме – наших Ми Гов, – и Оганян кивнул на Красавина.

– Далее. Самоходный артиллерийский полк. Тридцать три 152-мм самоходки «Акация» со средствами управления и разведки, подобные тем, о которых я уже говорил. Двенадцать пусковых ракетных установок залпового огня «Град» – с дальностью поражения до 20 километров. На каждой машине находится сорок направляющих для 122-мм ракет. Нечто подобное есть и сейчас – это БМ-13, только возможности нашей техники выросли многократно. Площадь поражения залпом одной установки 14,5 гектара. В общем, скопления противника – это их цели, а «Акации» и «Гвоздики» – в контрбатарейной борьбе подавят всех. Кстати, они могут выдавать целеуказания и для обычных артиллерийских частей.

Далее. Зенитно-ракетный полк. Пять батарей ракетных установок «Оса» – 20 установок по шесть ракет на каждой. Ну, против этих установок противоядия у немцев нет. Дальность поражения до десяти километров по дальности и до пять – по высоте. Кроме этого имеется четыре РЛС с дальностью обнаружения целей до двухсот километров.

Есть также два спецподразделения:

– 743-й отдельный учебный парашютно-десантный батальон. Батальон занимался подготовкой для воздушно-десантных войск прапорщиков. Личный состав – как постоянный, так и переменный, отличается высокой степенью обученности и боеготовности. Способен действовать и выполнять самостоятельные задачи в тылу врага. В качестве усиления имеется 10 БМД-1 – это бронемашины, подобные БМП-1 по возможностям, но приспособленные для транспортировки авиацией и выброски на парашютных системах, и отдельный разведбат в составе 10 танков Т-55А со 100-мм орудием, 10 плавающих танков ПТ-76, вооруженных 76,2-мм орудием, 10 БМП-1 и 15 БТР-70. Вооружение БМП-БМД – 73-мм орудие и пулемет. БТР – пулеметная установка 14,5-мм пулемета КПВТ и 7,62-мм ПКТ.

Хочу подчеркнуть, вся бронетехника, кроме танков и ЗСУ-23-4 «Шилка» – плавающая. И абсолютно вся оборудована приборами ночного видения. То есть бой ночью для нас – это игра в одни ворота.

Боезапаса хватит на одну-две серьезные операции. Исключение составляют пулеметы ПК и снайперские винтовки – патрон 7,62 мм, мосинский, КПВТ – 14,5 мм, минометы 120 мм, снаряды 76,2 для ПТ-76, и снаряды для гаубиц 122 и 152 мм, 100-мм снаряды для Т-55А. Это мы надеемся получить со складов РККА. О наших воздушных силах расскажет полковник Красавин. Доклад закончен.

– Разрешите продолжить, товарищ Сталин? – обратился полковник Красавин.

– Продолжайте, – откликнулся Сталин, прохаживаясь по кабинету и внимательно слушая потомков.

– 146 реактивных истребителей. Правда, 66 из них учебно-тренировочные двухместные, но они имеют вооружение и скорость до 1000 километров в час. Как вы все понимаете – равных им сейчас нет. Сведены в три полка – авиадивизию. Около 70 летчиков, 150 курсантов. В сентябре курсанты получают квалификацию летчик-истребитель. Боевой радиус для этих самолетов 500–550 километров. То есть из Бобруйска, куда мы посадим полк – достанем до Варшавы. Полк будет примерно в 50 самолетов. Остальные останутся пока на базовом аэродроме. 12 самолетов – одна эскадрилья перехватчиков Ми Г-23. У этих скорость более двух тысяч кмчас, ракетно-пушечное вооружение, бортовые радиолокаторы. Противника видят за 50–70 километров. Практически с этого расстояния могут стрелять ракетами. Только ракета стоит дороже нынешней цели. Эти самолеты сами по себе и боевые действия на них – дело дорогое. Боезапаса, кроме снарядов для пушек, на них не найти. Ракеты, мне думается, мы еще не скоро научимся делать. К тому же им требуется бетонная полоса. Но как последний аргумент, например, в прикрытии столицы – будут превосходны.

Также в наличии четыре ударных вертолета Ми-24В. Это штурмовики нашего времени. Вооружены пушками, управляемыми и неуправляемыми ракетами, бомбами, бронированы и могут нести десант до восьми пехотинцев. Два транспортно-боевых вертолета Ми-8 – вооружение: пулемет, ракеты, могут перевозить до 30 десантников. Тяжелый транспортный вертолет – Ми-6. Может перевезти тягач с пушкой или 60 пехотинцев. Поясню. Вертолет – летательный аппарат, способный взлетать и садиться вертикально на площадки, сравнимые с размерами вертолета. Это нечто похожее на автожир. Далее транспортные самолеты Ан-22, который вы, товарищ Сталин, и вы, товарищ Берия, видели, самолет Ан-12 – поменьше размером. И есть у нас два самолета Як-12, вместимостью на три человека каждый – это очень похожий самолет на немецкий штабной «Шторх», и самолет Ан-2 – замена самолета По-2, но вместимостью 12 человек. Боеприпасов и топлива приблизительно на месяц активных боевых действий хватит. Доклад закончил.

– Ну, вот, товарищ Жуков, такую помощь вам окажут, – подытожил Сталин. – Но самое главное – организовать и умело использовать то, что чем мы располагаем. Мы надеемся на вас, товарищ Жуков. Ваше направление – самое главное. От того, как будут разворачиваться события у вас, – будет зависеть обстановка на севере и юге.

И, обращаясь уже ко всем, произнес:

– А нам сейчас нужно решить организационный вопрос – как будет называться группировка потомков?

– Товарищ Сталин, – откликнулся на этот вопрос Оганян, – из истории этой войны нам известно, что в составе Красной Армии были полки и дивизии Резерва Главного Командования, которые придавались фронтам и армиям на самых важных и ответственных направлениях и в обороне и наступлении. Предлагаю из наших трех полков и двух батальонов создать дивизию РГК.

– Трех батальонов, – поправил Берия и пояснил: – Товарищ Оганян просил усилить их батальоном капитана Старчака. Очень хорошая репутация у этого капитана среди потомков. Я поддерживаю просьбу генерал-майора Оганяна.

– Согласен, – кивнул Сталин. – Как Генеральный Штаб смотрит на это? – обратился Сталин к Шапошникову.

– Думаю, это не проблема – выделить батальон.

– Хорошо, оформите приказ.

– Есть, товарищ Сталин! – ответил Шапошников и тут же добавил, глядя на генерал-майора Оганяна: – Нам нужно будет пообщаться на предмет выработки рекомендаций командующим округами, исходя из вашего опыта и знаний. Мы пока не успеваем переработать книги, привезенные вами, а времени уже не остается.

– Как освободится товарищ Оганян – он в вашем распоряжении, – ответил за него Сталин.

– Разрешите, товарищ Сталин? – взял слово Жуков. – Предлагаю добавить две дивизии и сформировать корпус РГК. Учитывая их огневую мощь и наличие всего лишь нескольких батальонов пехоты, считаю необходимым усилить именно этим это соединение. И тогда они смогут не только наносить удары, но и закреплять успех.

Сталин помолчал, прохаживаясь, и уточнил:

– Наверно, уже и дивизии приглядел?

– Так точно, товарищ Сталин! Предлагаю в состав корпуса включить 108-ю стрелковую дивизию. Это их, так сказать, земляки – штаб дивизии и отдельные части расквартированы были именно в Вязьме. Дивизия сейчас перебрасывается в Белоруссию. Должна была войти в состав 44-го корпуса. И вторая дивизия – Первая Московская Пролетарская.

Сталин посмотрел на Шапошникова.

– Разумное зерно в этом есть. К тому же эта дивизия своеобразная кузница наших кадров. Я думаю, командованию дивизии будет полезно повоевать рядом с потомками и перенять их опыт и знания, – прокомментировал Шапошников.

– Хорошо.

– Товарищ Сталин! Я предлагаю включить в этот корпус и дивизию НКВД. И приблизительно столько же понадобится для охраны и обороны базы потомков, станции и городка. Да и на операциях нужно будет заниматься этими же вопросами, – вступил в разговор Берия.

– А у нас есть такая дивизия?

– Дивизии есть, но они не в этом регионе. Поэтому прошу разрешения сформировать новую.

Сталин подумал, медленно кивнул и, глядя на Шапошникова, махнул рукой с зажатой в ней трубкой.

– А с авиацией что? – и Сталин посмотрел на Красавина и Жигарева.

– Я думаю, нужно поступить аналогично, товарищ Сталин. Предлагаю к дивизии реактивной авиации добавить 43-ю истребительную авиадивизию и на их базовом аэродроме «Двоевка» разместить 16-й ИАП ПВО. Опираясь на РЛС аэродрома, он сможет эффективно прикрывать не только аэродром, но и направление Смоленск – Москва. И в целом это будет Особый корпус ВВС РГК.

– Ну вот, если нет возражений, то в целом мы определились. В таком случае – оформить приказ с сегодняшнего дня. Заодно решится вопрос с постановкой наших потомков на все виды довольствия. Есть еще вопросы?

– Товарищ Сталин, а что с моим вопросом? – подал голос до сих пор молчавший Каганович.

– Какие у вас там проблемы с железной дорогой? – переправил вопрос Кагановича Оганяну Сталин.

– Местные железнодорожники говорят, что вес воинских эшелонов, стоящих на станции Вязьма-Брянская, создает проблемы переброски войск на запад.

– И какой вес, позвольте уточнить? – переспросил Каганович.

– Согласно поездным документам, находящихся у локомотивных бригад, – около семи тысяч тонн.

– М-да... Действительно проблема, – протянул Каганович, – у нас поезда по Белоруссии чуть больше тысячи тонн весом ходят. И какими локомотивами перевозились ваши эшелоны?

– Тепловозы, – пожал плечами Оганян.

– Интересно... – снова протянул Каганович, о чем-то размышляя, – интересно посмотреть на них. Когда вы летите в Вязьму?

Оганян вопросительно посмотрел на Шапошникова.

– Я прошу вас сегодня поработать в Генштабе.
– Значит, завтра утром, если не будет других приказов.
– Хорошо. Я лечу с вами. Только мне нужно будет знать, каких мне можно будет взять специалистов с собой. Или сегодня их в Вязьму отправить?

– Не беспокойтесь, все поместимся, – ответил Оганян, подразумевая возможности «Антея».

– На этом всё? – вступил в разговор Сталин.

Все промолчали. И только Берия после паузы сказал:

– У товарищей личный вопрос имеется. – И он глазами указал на Красавина и Оганяна. С этой просьбой они обратились к нему, когда он пришел позвать их к Сталину, не вдаваясь в подробности.

– Ну, личная – значит, личная. Всем до свидания! – ответил Сталин.

Все вышли, и в кабинете остались потомки и Берия со Сталиным.

– Товарищ Сталин! СССР в наше время является второй по мощи мировой державой, – заговорил Оганян. – И это могущество держится в первую очередь на ракетно-ядерном потенциале. В наше время именно это определяет, кто есть кто. Нам известно, что как раз в это время в США начнется разработка ядерного оружия. Проект «Манхеттен», в котором будут задействованы ведущие физики мира. И в конечном счете они к 1945 году сделают ядерную бомбу, которую применят против Японии на последнем этапе войны, разбомбив два города – Хиросима и Нагасаки. В каждом приблизительно от взрыва одномоментно погибнет около 100 000 человек. Мощность бомб была около 20 килотонн. Этим же оружием наши бывшие союзники будут шантажировать и нас. План «Дроп шот», – и Оганян, достав блокнот из нагрудного кармана кителя, стал зачитывать: – Разработанный в США в 1949 году план войны против Советского Союза и его союзников для противодействия предполагаемому вторжению СССР в Западную Европу, Ближний Восток и Японию. План исходил из предположения, что «советская агрессия» произойдет в 1947 году. Он предусматривал четыре фазы войны:

1) Оборона от советского наступления в Западной Европе на рубеже Рейн – Альпы – Пьяве, оборона от советского вторжения на Ближний Восток через Иран и Турцию, оборона от советского вторжения в Японию при одновременном нанесении авиаударов атомными и обычными бомбами по объектам на территории СССР, его союзников и на оккупированных СССР территориях. 1 апреля 1949 года США планировало нанести массированный ядерный удар по СССР. Планировалось сбросить 300 ядерных бомб на 70 советских городов и 250 тысяч тонн обычных бомб. На Москву планировалось сбросить 8 ядерных бомб. Планировались удары по Омску, Красноярску, Ташкенту, Алма-Ате, Тбилиси, Новосибирску. По оценкам американских генералов после первой бомбардировки должно было погибнуть 2,7 миллиона человек. Страна должна была лишиться 30–40 % экономического потенциала. Американские специалисты признавали малоэффективность атомных ударов против Армии, поэтому основной удар должен был быть направлен в первую очередь против гражданского населения.

2) Продолжение авиаударов, продолжение обороны, интенсификация психологической и экономической войны, подпольной борьбы в советском тылу.

3) Массированное наступление в Европе с целью отрезать и уничтожить советские войска, продолжение наступления для принуждения СССР к капитуляции.

4) Оккупация территории СССР и его союзников.

Говоря об этом, мы хотим, чтобы уже сегодня наша наука всерьез занялась проблемой создания ядерного оружия. Мы с Владимиром Васильевичем не специалисты в этой области. Однако в наше время все знают о наличии ядерного оружия и многие знают хотя бы основные принципы его устройства. Это относится к офицерам войск, в арсенале которых есть ядерные боеприпасы. Да и вчерне учителя физики тоже информированы в этой области. Я назову фамилию Курчатова – он руководил созданием первой отечественной ядерной бомбы. Фами-

лии остальных можно будет почерпнуть из справочников и книг, но думаю, не ошибусь, если скажу, что это его ближайшие соратники и ученики.

Оганиян замолчал, и тут же заговорил Красавин:

– Но сама по себе ядерная бомба – это еще полдела. Нужен носитель, способный доставить ядерный боеприпас до территории противника. В наше время основными носителями ядерного оружия являются ракеты. Ракеты – межконтинентальные наземного базирования, воздушного и морского. Даже самолеты в наше время несут не бомбы, а ракеты с ядерными боеголовками. Нам нужны ракеты. А вот в ракетостроении дальше всех продвинулся немец фон Браун. Его ракеты будут поражать Англию с территории Восточной Германии. У нас этой проблематикой будет заниматься конструктор Королев. Именно его ракеты выведут в космос первый искусственный спутник земли в 1957 году. Именно его ракета выведет в космос первый космический корабль «Восток», в котором наш земляк Юрий Алексеевич Гагарин, впервые в истории человечества, облетит землю и увидит ее из космоса. Вот эти два серьезных вопроса взаимосвязаны и крайне важны. Поэтому в нашей истории эти два самостоятельных направления науки и техники курировал один человек. Этим человеком были вы, Лаврентий Павлович.

Все это время, пока они говорили, Сталин и Берия их внимательно слушали. Сталин даже перестал ходить по кабинету. Красавин замолчал. Сталин стал снова прохаживаться по кабинету, держа давно потухшую трубку в зубах. Пауза затягивалась. Сталин сел на свое привычное место за столом, и посмотрев на Берия, сказал:

– Ну что же, Лаврентий! Раз ты там справился с этими делами – придется тебе и тут этим заняться. И вопрос с охраной потомков и необходимостью получения всей возможной информации от их современников становится крайне острым.

– Есть, товарищ Сталин! Я вместе со всеми вылету завтра в Вязьму. С собой возьму группу оперативных работников для ознакомления с... военнотружущими и населением.

– Хорошо. Если все – занимайтесь вопросами, которые нужно решить сегодня. А ты, Лаврентий, останься.

Когда потомки вышли, Сталин снова встал, прошелся перед Берией, остановился перед ним и, глядя ему в глаза, произнес:

– Лаврентий! Наши вопросы по ядерному оружию и ракетам – это наши вопросы. Но вопросы проекта «Манхеттен» и «Фон Браун» – тоже наши вопросы. Нам нужно быть первыми, чтобы не повторять свои же ошибки.

Отходя от Берии, остановился и, глядя в пространство, произнес:

– Надо же! А ведь не верилось, что такое оружие может быть. Иди, Лаврентий, – я почищу книги потомков. Мне кажется, я там найду еще немало того, к чему они привыкли и уже не обращают внимания.

16 июня 1941 года, 17.00. Научно-исследовательский полигон. Кубинка

Был конец рабочего дня, но народ не расходился. Все толпились у танка, стоявшего у начала трассы полигона. Этот танк только что прошел круг по трассе и был весь покрыт пылью, но тем не менее и на нем и рядом свободных мест, как говорится, не было. Танк был необычен своей красотой мощи и скорости одновременно. Испытатели, только что прошедшие на нем круг, восхищенно покачивали головами и делились впечатлениями с окружавшими их специалистами разных направлений, объединенных тут одним делом – танками.

– Да... Пятая передача тут к месту. На трассе, конечно, не БТшка, но бежит шустро, – делился впечатлениями вылезший с места механика-водителя испытатель в сдвинутом на затылок шлеме, со вкусом затягивающийся папиросой.

– Ха! БТшка! Он весит больше, чем две БТшки. И броня, пушка – разве их сравнить? – отвечал ему другой.

– Бежит он так не только из-за коробки передач, – вторил им специалист по двигателям, закрывая моторные жалюзи на танке. – Фильтр воздушный, посмотрите, какой на двигателе

стоит! Дизель «задышал» – потому и мощность развивает. Да и двигатель вроде В-2, но не совсем обычный.

– И орудие – калибр зенитный! – удивлялись специалисты по вооружению. – У нас ничего подобного еще не было.

– А КВ-2¹⁷ со 152-миллиметровой? – спрашивали их.

– Так тот весит сколько? Да и «ходок» из него неважный. Нужно запрашивать КБ о характеристиках 85-миллиметровки. У нас и данных-то на нее нет.

В стороне стоял начальник Центра, и в голове его роились разные мысли. Все мысли заканчивались вопросами, на которые он не знал ответов. Такое с ним было впервые.

В 15.00 трейлер с невиданным ранее мощным тягачом привез закрытый брезентом танк. Попытка что-либо узнать у водителя тут же была пресечена сопровождавшим груз лейтенантом НКВД. Никаких документов на груз не было. Было устное, со слов лейтенанта, распоряжение Берию посмотреть танк и подготовить справку о нем.

Когда брезент сняли, увидели, стоявшую на трейлере необычную «тридцатьчетверку».

То, что это была именно она, видно было по корпусу и ходовой части. А вот башня и орудие в ней были необычными. Причем в этом виде она выглядела красивее стандартной «тридцатьчетверки». Появилась в ней такая черта, как мощь. Но все это еще можно было объяснить. Но вот дальше, при более тесном знакомстве с танком, и появились детали, а с ними вопросы, на которые не было ответов.

Первое выплыло сразу при осмотре дизеля. Было установлено, что на стандартном В-2¹⁸ появились незнакомые узлы и агрегаты. Назначение их было понятно, но на обычных машинах их просто не было. Большая башня танка позволяла экипажу свободно работать с орудием, а командирская башенка – как у немецких «троек» – существенно улучшала обзор командиру экипажа. Рации и пулемета в танке не обнаружили, хотя места их креплений были на месте.

Вообще, при осмотре все заметили, что танк явно не новый и давно не эксплуатировался, что само по себе противоречило фактам. А фактом было то, что «тридцатьчетверка» пусть и не такой комплектации, а вообще как модель, выпускалась чуть более года. То есть старым танк не мог быть по определению. А он был именно таким – старым. Это подтвердили вооруженцы после осмотра орудия и в частности ствола. Ствол был весь покрыт раковинами. За год такого произойти не могло.

Далее – в очень плохом состоянии находились резиновые прокладки и вообще детали с резиной. Она местами просто рассыпалась. И причиной опять же могло быть только одно – время.

Однако же при попытке завести танк дизель завелся сразу. Тут же возникла идея посмотреть танк на трассе. Вот он и «пробежал» кружок по полигону. И экипажу испытателей понравился. И новая коробка передач – пятиступенчатая – значительно отличалась от стандартной четырехступенчатой в лучшую сторону. В общем, все наглядно убедились в преимуществах этой модернизации «тридцатьчетверки». Только вооруженцы печалились – не смогли «отстрелять» орудие. Тем не менее очевидна была необходимость познакомить производителей с этой моделью танка.

Водитель тягача, спросив что-то у сопровождающего, подошел и назвал танк – Т-34-85. После чего тягач с трейлером уехал из Центра в сторону Минского шоссе.

Все впечатления о танке начальник Центра, безусловно, отразил в справке. Но вопросы так и остались без ответа.

16 июня 1941 года. Генеральный Штаб РККА

¹⁷ КВ-2 – советский тяжёлый штурмовой танк начального периода [Второй мировой войны](#).

¹⁸ В-2 – советский V-образный 12-цилиндровый четырёхтактный дизельный танковый двигатель водяного охлаждения со струйным распылением топлива.

Этим вечером и в ночь на 17 июня из Генерального Штаба, Штаба ВВС Красной Армии, НКВД СССР и штабов Пограничных и Конвойных войск НКВД СССР потоком шли шифрограммы. Оганян, Шапошников и Жуков вырабатывали срочные предложения и рекомендации в адрес будущих командующих фронтами и нынешних командующих Особыми округами. Этим же в Штабе ВВС занимались Жигарев и Красавин. Берия и его подчиненные просто превращали принятые на совещании решения в жизнь.

Генеральный Штаб РККА

ПРИКАЗ №

О формировании Воздушных армий

В связи с необходимостью повышения эффективности использования и применения авиации и соответствия ее структуры задачам современной войны

ПРИКАЗЫВАЮ

1. ВВС Военных округов в составе армейской и фронтовой авиации преобразовать в Воздушные армии. Срок до 21.06.1941 г.

2. Для укомплектования штабов Воздушных армий использовать Штабы ВВС округов.

3. Командующим ВВС округов исполнять свои обязанности до полного сформирования Воздушных армий и назначения их командующих.

Начальник Генерального Штаба РККА

маршал Советского Союза *Шапошников Б. М.*

Штаб ВВС КА

ПРИКАЗ

Об исполнении Приказа № НКО и ГШ РККА о формировании Воздушных армий

Командующим Военно-воздушными силами Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского, Одесского Особых военных округов

1. Согласно Приказу НКО и Генерального Штаба № ... от 16.06.1941 г. о передаче фронтовой и армейской авиации под единое управление и формировании Воздушных армий в округах, довести этот приказ до всех командиров соединений и частей ВВС, кроме частей и соединений дальней авиации.

2. На основе Штабов ВВС округов создать штабы Воздушных армий и создать систему связи с соединениями и частями формируемых Воздушных армий.

3. Окончание мероприятий по формированию Воздушных армий и органов управления ими доложить письменно. Срок до 21 июня 1941 года.

4. Произвести передислокацию авиаполков на тыловые аэродромы округов не ближе 100 км от государственной границы СССР с рассредоточением из расчета не более чем один полк – один аэродром. Требования по маскировке аэродромов, инфраструктуры и самолетов остаются прежние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.